

Лилия Орланд

Родной. Чужой.
ЛЮБИМЫЙ

Люби меня через годы-3

Люби меня через годы

Лилия Орланд

Родной. Чужой. Любимый

«Лилия Орланд»

2021

Орланд Л.

Родной. Чужой. Любимый / Л. Орланд — «Лилия Орланд»,
2021 — (Люби меня через годы)

Кто бы знал, что приезд родственников разрушит мир в нашей семье и перевернёт всё с ног на голову. Кто мог предполагать, что мой папа вовсе таковым не является. И кто бы меня предупредил, что самый близкий человек, мой лучший друг, мой брат окажется мне неродным. Совершенно посторонним человеком... И как теперь жить с этим знанием? Ведь все они чужие люди или всё-таки семья?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лилия Орланд

Родной. Чужой. Любимый

Пролог

Разве можно ждать чего-то хорошего от приезда свекрови?

Саша нервно мерила шагами спальню.

– Чего она хочет, Яр?

– Сказала, что соскучилась по родному городу и своему дому... – Ярослав развёл руками, потому что звучало это, по меньшей мере, натянуто.

Он хорошо знал, что мать никогда не делает ничего без причины. Её практичность и рациональность помогли добиться больших высот. Сначала Татьяна Викторовна стала мэром Анапы, а затем её пригласили в Москву, и в итоге она заняла пост в правительстве страны.

И вот теперь возвращается в провинциальный городок...

Зачем?

Саша скептически посмотрела на него. Действительно, объяснение звучало глупо.

– А нас зачем приглашает? – жена не отступала.

– Может, хочет познакомить вас с Кириллом? – предположил он.

Сашка снова хмыкнула. И опять была права.

Татьяна Викторовна терпеть не могла невестку. И когда-то приложила немало усилий, чтобы Яр с Сашей разошлись.

А от Алинки отказалась, как только узнала, что та не дочь Ярослава. Не помешало даже то, что несколько лет считала её своей внучкой. Просто вдруг в один момент перестала замечать девочку. Как будто той никогда и не было.

Алина этого не знала и до сих пор не понимала, почему бабушка так резко её разлюбила.

Хотя любила ли когда-нибудь?

И вообще, умела ли Татьяна Викторовна любить?

Всё, что он знал о матери, говорило об обратном. Но всё же это его мать, и проигнорировать её приезд Ярослав не мог.

Сашка села рядом на кровать. Он обнял жену, которая положила голову ему на плечо, вздохнула.

– Я боюсь, Яр. Боюсь, что она навредит нашей семье...

– Всё будет хорошо, – ответил Ярослав. А что ещё он мог тогда сказать?

Глава 1

А ведь так хорошо всё начиналось.

Я окончила ветеринарный институт и вернулась домой. Ещё в поезде предвкушала, как обниму их всех – папу, его жену Сашу, моих кровных братьев Тёму и Гришу. А ещё ба и деда, Сашиних родителей, которые хоть и не были мне родными, но любили как самую настоящую внучку.

Наша семья была большой и дружной.

И пусть моя настоящая мама умерла, когда я была совсем маленькой. У меня была Саша, и она мне нравилась. Жена моего отца была голубоглазой блондинкой со спортивной фигурой, отлично сохранившейся, несмотря на возраст. Хотя вроде она ещё не слишком старая – весной они с отцом отмечали сорокалетние юбилеи. У них разница в возрасте – в полтора месяца.

Папа с Сашей вместе учились в школе и там влюбились друг в друга. Потом они поссорились, и Саша уехала в Питер. А папа снова стал встречаться с моей мамой. Так получилось, что они обе забеременели, и мы с братом родились с разницей всего в восемь дней.

Правда, познакомились мы, когда нам обоим было по девять. И я его сразу невзлюбила. Потому что ревновала и думала, что мой папа теперь бросит нас с мамой.

Впрочем, меня он бросать не собирался, хотя уже начал развод с моей матерью. Но мне не пришлось решать, с кем остаться, потому что мама попала в аварию и разбилась.

Сначала я плакала и не могла привыкнуть. Мне было плохо без мамы. И тогда Тёмка стал моим другом. Без него я вряд ли бы справилась. Он всегда был рядом, и мы всё делали вместе.

Но в последние годы мы редко виделись. Потому что я выбрала институт в Петербурге, в то время как Тёма изучал журналистику в Москве. Я решила стать врачом, как бабушка с дедушкой. Вот только лечить я хотела не людей, а животных. С детства у нас постоянно жили собаки. И я помню, как больно каждый раз, когда теряешь своего друга.

Моя мачеха сразу приняла этот выбор, а вот папа долго сомневался, считая, что вид неизлечимо больных зверушек нанесёт мне психологическую травму. Папа, вообще, старался меня оберегать сверх меры. И иногда эта гиперзабота немного напрягала. Может, поэтому я настояла на своём и уехала в Питер.

И вот теперь получила диплом и вернулась домой. В Анапу. Тёме предложили работу в Москве на одном из крупных новостных каналов. Но он тоже собирался приехать на пару недель.

А значит, вся семья опять соберётся под одной крышей. Как когда-то в детстве.

И это было здорово.

В толпе встречающих я сразу разглядела знакомые лица и бросилась на шею папе. А затем обняла Сашу. Она крепко прижала меня, а отстранив, несколько секунд вглядывалась в лицо, словно пытаясь уловить изменения, произошедшие за несколько месяцев.

– Ты повзрослела, – наконец она выдала вердикт.

И я засмеялась. Казалось, Сашу каждый раз, когда приезжаю на каникулы, удивляет, что я взрослею, перестаю быть ребёнком, к которому она привыкла.

Впрочем, уверена, Тёмку она встречает точно так же.

Папа подхватил мои чемоданы и сумки. В этот раз у меня было много вещей, потому что я собиралась остаться дома. Насовсем.

Дом... До чего же хорошо это звучало!

По дороге из аэропорта я жадно вглядывалась в знакомые улицы, фиксируя малейшие изменения. Я соскучилась. Всё же целый год не была дома.

Но тут почти ничего не изменилось. И за это я тоже любила Анапу.

– Соскучилась? – Саша, улыбаясь, смотрела на меня с пассажирского сиденья.

Я кивнула.

Ещё как соскучилась.

И по своей семье в первую очередь.

Папа с Сашей помогли занести вещи и оставили меня одну. Я глубоко вдохнула знакомый с детства запах. В моей комнате всё было по-прежнему, как и много лет назад. В свои короткие заезды на каникулы я не стремилась что-либо менять, уверенная, что для этого ещё будет время.

А сейчас, когда взглянула на плюшевых зверей всех мастей, которыми заставлены полки специально установленного папой стеллажа, не уверена, что руки поднимутся их выбросить. В ящиках письменного стола ещё лежат мои школьные тетради. В шкафу ждёт своего часа уже несколько лет неворебованная одежда.

Я провела рукой по плюшевому покрывалу с аппликацией-мордочкой. По стенам, ощущая чуть шершавые от времени обои. Наверное, если я собираюсь здесь жить, неплохо бы их переклеить. Кое-где потёртые, а ещё исписанные цитатами из книг и рисунками животных.

Саша предлагала сделать ремонт к моему возвращению, но мне хотелось самой разобрать вещи и расстаться со своим детством.

А сейчас я вдруг поняла, что люблю все эти вещи. Мне нравится моя комната. Такой, какая она есть. С тёплыми, золотисто-бежевыми оттенками обоев, персиковыми занавесками с золотистым орнаментом, который я рассматривала на просвет уличного фонаря, когда не могла уснуть.

Здесь был мой дом, в этой комнате я была счастлива.

И безумно рада сюда вернуться.

Я распаковала вещи. Большую часть. А потом решила, что на сегодня хватит, стянула одежду, накинула лёгкий халатик и отправилась в душ.

С ванными комнатами у нас был явный напруг. Точнее недостаток. Одна на первом этаже и одна на втором. Пятерым членам семьи этого не всегда хватало. А когда приезжали гости, то случалась катастрофа вселенского масштаба.

Папа даже соорудил летний душ в саду. Поставил там бочку, которая должна была наполняться дождевой водой и прогреваться солнцем. Но дождей в Анапе летом было мало, а наполнять бочку из шланга заранее, чтобы успела нагреться, папа забывал. Поэтому нововведение не прижилось.

Но, думаю, когда мы с Тёмой уехали учиться, с этим стало проще.

Вот и сейчас ванная на втором этаже оказалась полностью в моём распоряжении. Я нашла в шкафчике чистое полотенце, повесила рядом с халатом и, задёрнув занавеску, включила воду.

Обожаю принимать душ. Когда тёплая вода смывает пот с тела, долгий перелёт и запах аэропорта. Я закрыла глаза, откинула голову и расслабилась, позволяя тёплым струйкам стекать по коже.

Как же хорошо дома.

Здесь даже от душа совершенно иные ощущения. А Сашин шампунь пахнет детством. Помню, как ещё в школе любила мыть им волосы. Сладкий ванильный аромат наполнил ванную, и я едва не замурыкала от восторга.

Выключив воду, вытерлась мягким полотенцем, слегка подсушила волосы и провела ладонью по зеркалу, стирая туманный налёт от пара.

Улыбнулась своему отражению, и оно улыбнулось в ответ. В этом зеркале я почему-то казалась немного иной. И вот вроде бы те же длинные рыжевато-каштановые волосы, доставшие мне от матери, тот же слегка курносый нос с россыпью веснушек, которые в Анапе всегда становились ярче, те же карие глаза. Янтарного оттенка, как говорит папа.

Но вот сейчас я чувствую себя более юной, что ли. Беззащитной. Как будто вода только что смыла с меня наносную броню, необходимую мне вдалеке от дома. А здесь, внутри родных стен, в ней больше нет необходимости, и я снова становлюсь самой собой.

В дверь постучали:

– Алина, обед через пятнадцать минут! Не опаздывай! – Саша любит, чтобы мы все вместе собирались за столом. Говорит, мы и так редко видимся.

– Уже иду! – крикнула ей в ответ.

Расчесала волосы, они легли на спину длинными влажными прядями, спускаясь почти до талии. Сами высохнут, легкомысленно решила я, накинула халат и пошла к себе одеваться.

Внезапный грохот заставил меня вздрогнуть.

Что-то упало и тяжело покатилося по полу комнаты, мимо которой я проходила.

Гришка!

Ни секунды не раздумывая, нажала ручку и толкнула дверь.

Комната моего младшего брата виделась неподготовленному взгляду хаотичным нагромождением совершенно не сочетающихся между собой вещей. Так на полу лежало светлосиреневое кресло-мешок, а на нём – чёрная шляпа-цилиндр, сделанная из плотной бумаги. На дверце шкафа висел плащ с красной подкладкой, сверху через него перевесился плюшевый кот с длинными лапами. На шкафу валялся забытый баскетбольный мяч. Где-то там же ещё была теннисная ракетка. Возле кровати стоял ящик на высоких ножках, а на нём – бутафорская пила с блестящим, оклеенным фольгой лезвием.

К столу был прислонён гриф шестиструнной гитары, на которой Гришка учился играть, но забросил, как и всё остальное, за что брался.

Сам братец нашёлся под столом, где искал обронённую гантель.

– А-а, это ты, – он вылез запыхавшийся и с раскрасневшимся лицом, заставившим меня подозревать, что гантель была скорее для отвода глаз, а сам Гришка опять что-то химичил. – Прилетела?

– Прилетела, – подтвердила, ещё раз обводя комнату глазами, пытаясь определить, чем сейчас увлечён мой ветреный младший братишка.

Вариантов была масса, и я не стала гадать. Всё равно скоро сам расскажет. У Гриши была неудержимая потребность делиться своими достижениями, даже если они ещё не были совсем достигнуты. Но эти достижения по большей части тщательно скрывались от папы, потому что именно за них братец занимал угол в гостиной рекордное количество времени. А ещё отец постоянно грозился применить ремень в воспитательных целях.

Правда, пока ни разу не применил.

– У тебя всё в порядке? – я кивнула на гантель, которую он всё ещё продолжал держать в руке.

– А ты про это... – Гришка удивлённо взглянул на неё, как будто впервые увидел, и почесал в затылке. – Да, всё нормально.

Гришку я любила. Как и вся семья. Он был необычным ребёнком и очень активным, умудрившись за свои одиннадцать лет поэкспериментировать и испробовать больше, чем другие успевали к пенсии. Но ко всему он так же быстро охладевал и переключался на что-то новое, казавшееся ему в этот момент наиболее интересным.

Отец иногда пытался его воспитывать. А вот Саша относилась к Гришке с ангельским терпением, принимая его таким, каков он есть. Если, конечно, эти эксперименты не были связаны с риском для жизни. Его или окружающих.

Тогда братцу доставалось.

Но все наказания он выносил стоически, со свойственным ему легкомыслием.

– Пошли обедать, все уже собрались.

– Ага... ты иди... я сейчас...

Гришке явно не терпелось выпроводить меня из комнаты, поэтому я пожала плечами:
– Ну ладно... – вышла в коридор и прикрыла за собой дверь.

В кухне была лишь Саша.

– А где папа? – на всякий случай я ещё раз обвела глазами просторное помещение, разделённое на две зоны длинным овальным стол, накрытым сейчас на три персоны; семь стульев, которые не уносили, несмотря на то, что мы с Тёмкой уехали на учёбу, а ба с дедом приходили на ужин не так и часто; мятные обои, которые назывались моющимися, что Гришка не преминул проверить, и оказалось, что отмывается с них далеко не всё; зелёные занавески с ромашками, собранными в причудливый орнамент.

Саша тоже любила этот дом.

Её любовь дышала в каждой детали, создавая атмосферу уюта и тепла. Она редко меняла обстановку, как и я, привыкая к вещам.

Кроме супермодной, современной кухонной техники.

В последние годы Саша увлеклась своим детищем – кулинарным блогом, где готовила в режиме онлайн, комментировала процесс, а ещё фотографировала, продавая затем снимки в кулинарные журналы.

Число подписчиков блога приближалось к миллиону, что и неудивительно, ведь рассказывала Саша весьма интересно, даже я смотрела несколько выпусков, хотя сама к готовке была равнодушна.

Или, скорее, к еде.

– Папа уехал встречать Татьяну Викторовну и Кириллу, они решили прилететь более ранним рейсом, – в Сашином голосе сквозило неодобрение.

Она всегда называла свекровь по имени-отчеству, и лицо в такие моменты у неё становилось отчуждённое и немного печальное. Не знаю, что произошло у них с бабушкой в далёком прошлом, но друг друга они сильно недолюбливали.

Впрочем, учитывая, как просто бабушка вычеркнула меня, свою внучку, из жизни и родственного круга, я сто процентов буду на стороне Саши. Папина мама – очень жёсткая, непримиримая и не признающая своих ошибок.

В общем, ещё та стерва.

– А где Гриша? – Саша бросила взгляд на лестницу, но на ней никого не было.

– Сказал, что сейчас придёт, – я пожала плечами.

Это папин жест, он всегда делал так, когда не был уверен, как кто-то поведёт себя в той или иной ситуации.

Почему-то сейчас, после долгой разлуки я особенно хорошо подмечала, как много наша семья копирует друг у друга. Причём совершенно неосознанно. Думаю, это тоже подчёркивает нашу общность, наше родство, нашу любовь друг к другу.

Я потянулась к фарфоровой супнице, взяла половник и налила себе в тарелку крошки. Саша любила красивую посуду и красивую сервировку стола. Она приучила нас класть на колени тканые салфетки, есть ножом и вилкой и пользоваться столовым сервизом, даже если это был обычный обед, на который мы не ждали гостей.

Папа с Тёмкой поначалу пытались возмущаться «ограничениям», как они это называли, а потом привыкли. Потому что есть всем вместе и из красивой посуды и правда приятнее, чем из разноплановых тарелок.

Положила на блюдце жареной картошки и полила сверху кетчупом. Обожаю кетчуп. В детстве могла пить его прямо из горлышка, пока никто не видел. Я знала, что бутылочку Саша поставила специально для меня, и от этого тоже было тепло.

Когда Гришка вошёл в кухню, я только приступила к крошке. Но так и застыла с поднесённой ко рту ложкой. Да уж, появиться с помпой мой братец умел. Этого у него было не отнять.

На Гришке была надета белая футболка и джинсовые шорты до середины бедра. Сверху его фигуру прикрывал чёрный плащ с алым подбоем. А на голове у брата при помощи двух «невидимок» крепился картонный цилиндр.

Саша, к моему удивлению, на это эпатажное появление отреагировала весьма спокойно. Даже не вздохнула.

Только, когда он сел за стол, тихим голосом произнесла:

– Сними шляпу. Ты за столом.

И Гришка тут же повиновался. Стянул цилиндр и положил его на соседний стул.

– К чему маскарад? – поинтересовалась я, наконец проглотив крошку и подхватывая с блюда несколько ломтиков картошки с кетчупом.

– Гриша решил стать фокусником, – прокомментировала Саша, причём в её голосе не было насмешки. Скорее, спокойное принятие очередного увлечения сына.

Да и чему удивляться: Гришка уже был учёным, водолазом, дрессировщиком (тогда страдал соседский пёс), врачом (тогда страдали все вокруг), режиссёром и актёром одновременно, когда мы вынужденно смотрели спектакли в гостиной, и ещё много интересных профессий были освоены братом за одиннадцать лет.

В общем, родителям скучать не приходилось.

– Фокусник – интересная профессия, – сказала я, потому что промолчать было как-то невежливо, и Гришка мог обидеться.

В каждое новое увлечение он погружался полностью, с пылом, возможным лишь в детстве, когда всё ещё впереди, и жаждалось объять необъятное.

– Да, – брат с радостью поддержал мою реплику, даже не заметив отсутствия должной искренности. – Я уверен, что нашёл дело всей своей жизни. Завтра продемонстрирую вам, чему научился. И вы всё поймёте.

Он быстро хлебал крошку, почти не жуя. Торопился вернуться к репетиции фокусов.

Я поймала ласковый Сашин взгляд, брошенный на сына, и тоже улыбнулась. Хотя моя мать так никогда на меня не смотрела. По крайней мере, я этого не помню.

Но я знаю, мачеха меня любит и относится как к дочери. Наверное, ей хочется, чтобы я называла её мамой. Но мне как будто что-то мешает. Поэтому я продолжаю звать её Сашей.

После обеда Гришка убежал дальше тренироваться в ловкости рук, а мы остались мыть посуду.

– Как ты? – Сашин голос звучал мягко, и взгляд был тёплым.

– Хорошо, – я погрузила руки в мыльную пену, стараясь сосредоточиться на тарелке, которую тщательно оттирала губкой.

Когда-то в минуту слабости я призналась мачехе в неудачных отношениях с однокурсником. Саша восприняла это близко к сердцу и до сих пор переживала.

– Правда, всё хорошо, – я посмотрела на неё и улыбнулась.

Она обняла меня и шепнула на ухо:

– Ты же знаешь, что я люблю тебя?

– Знаю, – и я действительно знала это совершенно точно.

Глава 2

Вечер мы провели на улице. Папа с Гришкой жарили шашлыки, а мы с Сашей, после того как накрыли на стол, лежали на шезлонгах и любовались процессом приготовления мяса, наслаждаясь умопомрачительными ароматами. Для полного счастья не хватало только Тёмки, но он должен был приехать завтра.

И тогда наша семья снова станет полной.

Одуряющее пели цикады. Из-за забора тоненько подпевал соседский дог, тоже учуяв аромат шашлыка. Я жалостливо смотрела в ту сторону, но просунуть даже кусочек сквозь ограду не могла. Дядя Игорь предупреждал – у Фунтика проблемный кишечник, и он ест исключительно специализированный сухой корм.

Я бы на его месте тоже завывала.

Когда мясо было готово, мы переместились в беседку. Папа открыл бутылку вина, налил себе и маме, а затем плеснул немного и в мой бокал. Всё-таки я уже «почти» взрослая.

Наверное, окончательно взрослой я стану, когда выйду на пенсию.

Вряд ли раньше.

А вот Гришке достался стакан с яблочным соком. И он смотрел на меня почти так же тоскливо, как соседский пёс. Разве что не подвывал.

А утром я проснулась от тёплого ветерка, сконцентрировавшегося на моём лице. Потёрла рукой нос, попыталась перевернуться в поисках более удобного положения и только потом до меня дошло.

Я распахнула глаза.

От моего радостного визга наверняка проснулся весь дом. А Тёмка стоял на коленях у кровати, склонившись к моему лицу, ещё со сложенными трубочкой губами, которыми он на меня дул, чтобы разбудить.

– Тёмка! – закричала я и обхватила брата за шею. – Ты приехал! Ура!

Он улыбался, я не видела, но точно знала, чувствовала по его движениям, по тому, как и он обхватил меня, прижимая к своей груди.

– У меня для тебя подарок. Накинь что-нибудь, чтоб дядя Игорь глаза не сломал, и пойдём.

Тёмка выпустил меня, поднялся и отошёл к двери, продолжая глядеть тёплым взглядом, так похожим на Сашин, и в то же время неуловимо иным.

Когда за ним закрылась дверь, я вскочила. Спала я в пижаме, состоявшей из майки на бретельках и мягких, удобных шортиков. Раз дядя Игорь может сломать глаза, значит, подарок на улице. А раз он на улице, значит – большой.

Что же привёз мой самый лучший в мире старший брат?

Тёмка всегда умел меня удивлять.

Как-то он подарил мне утёнка, а потом всю ночь рыл яму в саду, чтобы устроить для него пруд. Пруд папа одобрил, и Тёмке даже не влетело, как я боялась.

А Утя плавал в пруду, пока не улетел с дикими утками.

По крайней мере, такую версию выдал Гришка, оказавшийся свидетелем чуда. Но ему тогда было три года, я сомневалась, можно ли верить младшему брату, и ещё долго искала Утю, надеясь, что он вот-вот выбежит из-за яблонь, распахнув крылья и радостно гогоча.

Оделась я за рекордные пару минут, умудрившись ещё умыться и почистить зубы. Шорты и футболка – в такой одежде можно встретить любой подарок.

По лестнице бежала, перепрыгивая через ступеньку. Но всё равно оказалась самой последней, вся семья уже собралась на улице.

За воротами.

Они стояли, окружив небольшую округлую машинку ярко-жёлтого цвета. Саша фотографировала момент. Папа что-то объяснял Гришке и с серьёзным видом стучал по колёсам, проверяя их крепость.

– Это твой «Жук», – Тёма с улыбкой протянул мне ключи.

– Мой? – мне хотелось визжать и подпрыгивать на месте, как маленькой девочке. Это просто невероятно. – Я именно такой и хотела...

И это была правда. Когда я весной окончила курсы вождения и начала выбирать машину, то чаще всего взгляд останавливался на объявлениях вот с такими яркими «жуками». Правда, я думала взять подержанную машину. Кто знает, как сложится начало моей водительской практики.

А тут вдруг такой подарок...

– Прокатишь меня? – спросил Тёма и посмотрел тем самым своим тёплым взглядом, который я особенно любила, и который заставлял меня чувствовать себя нужной, важной и особенной, делая увереннее и наделяя способностью противостоять любым жизненным невзгодам.

– А можно? – я почему-то оглянулась на папу.

Он тоже улыбался. Кивнул головой, разрешая. Впрочем, рядом с Тёмой мне вряд ли что-то грозило.

Я осторожно открыла дверь, наслаждаясь прикосновением к моему Жуку. Он в первую же секунду получил своё имя. Саша рассказывала, что в детстве у неё был велосипед, который звали Герби. И он был почти другом для неё. И мне тоже показалось сейчас важным дать имя моей первой машине.

– Здравствуй, Жук, – произнесла я вполголоса, усаживаясь в водительском кресле, повернула ключ и почувствовала, как мотор мягко заурчал, приветствуя меня.

Тёма сидел рядом на пассажирском сиденье и молча наблюдал за моими действиями. Меня это не смущало, напротив, успокаивало. Ведь он рядом, а значит, у меня всё получится. Я осторожно нажала педаль газа, и Жук покатился вперёд по нашей улице.

Я ехала медленно, нажимая на все кнопки и всплывающие окна, разговаривая со встроенным навигатором. Даже поменяла голос на мужской, больше соответствовавший моим ощущениям. Мы объехали почти весь город и повернули обратно.

Я уже окончательно и бесповоротно влюбилась в своего нового друга.

– Тём, ты уверен, что можешь себе его позволить? – спросила, когда первый восторг слегка поутих, и я смогла более-менее здраво соображать. Всё же брат только начнёт работать, вряд ли ему сразу станут платить высокие гонорары.

– Могу, – Тёмка весело усмехнулся и пояснил: – Мне дали кредит. Правда, папа предлагал поучаствовать материально, но я хотел сам тебе что-то подарить.

– Спасибо, – произнесла еле слышно и шмыгнула носом, потому что на глаза вдруг навернулись слёзы, заставляя меня часто-часто смаргивать.

– Эй, – кто бы сомневался, что он заметит, – чтобы никаких слёз. А то отберу машину и сам буду кататься.

Он говорил нарочито строго, но я знала, что Тёма шутит. Жук был куплен специально для меня. И никто бы не стал его отбирать.

– Это я от радости, – всё же поспешила объяснить. – Ты ведь знаешь, что я очень тебя люблю?

Тёма кивнул и улыбнулся. Конечно, знает.

– Я тоже люблю тебя, сестрёнка.

* * *

А за завтраком папа сообщил пренеприятнейшее известие: бабушка ждёт всех членов семьи к ужину.

– Пап, можно я не пойду? – озвучил Тёма мои мысли.

Отец ничего не ответил, только коротко и со значением взглянул на брата и вернулся к намазыванию маслом тоста.

Саша задумчиво смотрела на него, что-то прокручивая в голове, а потом спросила с каким-то понятным лишь им смыслом:

– Так и сказала, только члены семьи?

– Саш, – укоризненно произнёс папа, сощурившись, – ты же знаешь мою мать, как и то, что я не собираюсь потакать ей. Поэтому или ВСЯ НАША СЕМЬЯ, – он выделил это интонацией, – идёт, или мы все останемся дома. Думаю, и мама это тоже понимает.

– Надеюсь... – Саша всё же выглядела обеспокоенной.

У меня возникало ощущение, что только родители сейчас понимают друг друга, потому что у обоих братьев были такие же ошеломлённые лица. Как и у меня.

– О чём они, как думаешь? – спросил Гришка на лестнице, когда мы поднимались в свои комнаты.

– Понятия не имею, – я пожала плечами и, подумав, добавила, – но идти туда мне совсем не хочется. Какое-то нехорошее у меня предчувствие...

– Вот и у меня тоже... – вздохнул Гришка, прежде чем скрыться в своей комнате.

До ужина ещё было далеко, и мы с Тёмкой договорились сходить на пляж. Понезжимся немного под тёплым солнышком, потому что вечером меня ждут ледяные взгляды Снежной королевы. Бабушка всегда смотрела на меня так, что мороз по коже пробирал. И хотя встречались мы с ней весьма редко, но это морозящее ощущение запоминалось надолго.

У меня вообще было чувство, что бабушка почему-то не считает меня членом семьи. И за завтраком Саша говорила именно обо мне.

Да ну, глупости.

С чего бы ей так считать?

Я отбросила негативные мысли и начала собираться. Надела купальник, сверху – просторное длинное платье, в котором самое то возвращаться с моря, и никто не заметит, даже если ты без нижнего белья. Покидала в сумку полотенце, крем для загара и расчёску. После морской воды мои волосы всегда сбиваются колтунами, так что видок будет ещё тот.

– Алина! – раздался снизу Тёмкин голос. – Я уже жду.

– Ничего, подождёшь пару минут, я тебя, вон, целые сутки ждала, – пробормотала про себя, но всё же подхватила сумку, надела солнцезащитные очки и быстро вышла из комнаты.

До моря было пять минут, и мы решили не брать машину. Хотя, признаюсь, мне очень хотелось прокатиться на моём новеньком Жуке. Но я решила, что уже взрослая девочка и вполне способна потерпеть до вечера. Потому что уж к бабушке Тане мы точно поедem на машинах.

Интересно, как меня встретят на этот раз? И будет ли этот раз чем-то отличаться от предыдущих? Что-то я сомневаюсь.

– Не знаешь, зачем она нас собирает? – спросила брата по дороге.

– Может, хочет познакомить с этим дядей Кириллом... – Тёмка пожал плечами. У него тоже особо не было вариантов, но братец в отличие от меня по этому поводу просто не заморачивался.

Навстречу шла стайка молоденьких девушек. Загорелые, с тем особым глянцем на коже, который посвящённому взгляду точно сообщает – девушки идут с пляжа, где провели не один час, нежась на солнце и купаясь в ласковых волнах.

Тёму они заметили ещё издалека, а на подходе начали усиленно строить ему глазки и хихикать. Тёмка нарочно поиграл мышцами, отчего они захихикали ещё больше.

– Подожди секундочку, – попросил брат и помчался их догонять.

А я рассердилась.

Ну это, в конце концов, невежливо! Бросать меня на дороге ради каких-то вертихвосток. Почему обязательно знакомиться в моём присутствии? Иди сюда вечером и лови удачу за хвост.

В общем, ждать его я не стала. Широким размашистым шагом двинулась к пляжу. Ну его, этого Тёмку, пусть занимается глупостями, раз ему так хочется. Раз сестра, которую он несколько месяцев не видел, для него ничего не значит!

Чем ближе я подходила к морю, тем больше сердилась на Тёму. Как будто он меня предал. Обманул...

Дело в том, что я стесняюсь одна ходить на пляж. Я понимаю, что большая часть моего детства прошла на юге, и для меня должно быть естественным раздеваться прилюдно. В этом ведь нет ничего особенного, это же общественный пляж, здесь все раздеваются. Но у меня было нечто вроде фобии. Рядом обязательно должен находиться знакомый человек, иначе я не решусь раздеться, так и просижу в платье на берегу.

А все вокруг будут смотреть на меня как на идиотку.

– Ты чего ушла? – Тёмка догнал меня уже у самого спуска.

– Ну что, взял телефончик? – с обидой в голосе поинтересовалась я.

А он даже не стал отвечать, расхотался, схватил меня в охапку и закружил.

– Как же я соскучился, сестрёнка!

Вот и как на него можно сердиться? У меня, например, долго обижаться на Тёмку не получалось. Поэтому уже через пару минут я вернулась к теме разговора:

– Кто этот дядя Кирилл?

– Папин брат.

– Это я и сама знаю. Ты его видел?

Он покачал головой:

– Никогда. Если честно, я о нём раньше и не слышал.

– Вот и я тоже.

Мы наконец спустились на пляж, нашли свободный пяточок и расстелили полотенце. Наслаждаясь тёплой солёной водой, ласковым солнцем и шутками брата, я почти забыла о вечернем визите.

Но всё хорошее рано или поздно заканчивается. Нам пришлось вернуться домой и начать собираться на званый ужин.

Глава 3

Со мной в Жуке поехал Гришка. А Тёму папа посадил на заднее сиденье своей машины. Мне показалось, они с Сашей хотят о чём-то с ним поговорить.

Родители всегда были деликатны с нами и не ругали прилюдно. Даже если мы того заслуживали. Потом спрошу, за что ему влетело.

Жук ехал ровно, слегка урча мотором. И этот звук создавал впечатление, что мы с братцем сидим внутри настоящего жука, летящего куда-то по своим делам. Точнее по нашим.

Ехать было недалеко. Мы даже не покидали центр города, потому что дом бабушки Тани располагался в курортной зоне, то есть недалеко от моря. Недвижимость здесь за последние годы ещё больше взлетела в цене, даже удивительно, что Татьяна Викторовна позволила дому стоять пустым столько лет.

Чем ближе мы подъезжали, тем больше я нервничала. Пыталась перевести мысли в какое-нибудь позитивное русло, но ничего не получалось.

У меня даже руки вспотели, и я то и дело отпускала руль, чтобы вытереть ладони о подол платья. А в голове шумела начинающаяся мигрень, заглушая звук мотора.

Я была почти уверена, что бабуля припасла для меня какой-нибудь неприятный сюрприз, и заранее напрягалась.

Дом выглядел почти так же, как и раньше. Во времена моего детства, когда ещё была жива мама, и я не подозревала о том, что у меня есть брат.

Тогда я считала этот дом своим. А сейчас ничто внутри даже не дрогнуло. Будто и не со мной это всё было...

Ворота были открыты. Но я не видела в том приветливости. А уж когда они закрылись, пропустив Жука внутрь, и вовсе возникло ощущение захлопнувшейся ловушки.

– Эй, Алин, может, уже пойдём? – Гришка осторожно коснулся моего локтя, и только тогда я поняла, что так и сидела в машине на подъездной дорожке бабушкиного дома, стиснув пальцами руль и невидяще глядя прямо перед собой.

– Да, конечно, идём, – вытащила ключ зажигания, почти с тоской отмечая, как затих мотор.

Может, ещё не поздно передумать и уехать отсюда?

Но я бы не успела. К машине уже спешил папа, за ним следом шли Саша и Тёма. Причём брат не выглядел слишком довольным. Значит, я была права, и ему проводили родительское внушение.

– Мы поставили машину в гараж, – отец кивнул в сторону дома, в нескольких метрах от которого стояло скромное строение из тёмно-жёлтого кирпича. – Может, и ты свою загонишь? Я покачала головой.

– Пап, мы ж ненадолго. Да и вроде больше никто не приедет... – я оставила вопросительную паузу.

Но папа не знал, кто ещё приглашён. Он только пожал плечами.

– Когда приедет, тогда и отгонишь, – наконец решил он.

И я согласилась, оставив Жука одного на улице. А сама двинулась вслед за своей семьёй в логово Снежной королевы.

Всё будет хорошо!

По крайней мере, я себя на это настраивала.

Нас никто не встречал, но входная дверь была приоткрыта. Папа лишь на мгновение замер, глубоко вдохнул, словно прыгая в воду, а потом решительно толкнул створку.

Мне показалось, Саша сильнее стиснула его пальцы. А до этого я и не замечала, что они держатся за руки.

Может ли быть, что не только для меня пребывание в этом доме может оказаться неприятным? Глупый вопрос. Конечно же, может. Наша бабуля умеет заводить друзей. Разумеется, в кавычках.

Я хмыкнула от этой мысли, но тут же осеклась.

Она стояла посреди гостиной во всём великолепии богатой старости. Её чёрное вечернее платье явно шилось на заказ. Оно скрывало все возрастные недостатки фигуры, создавая впечатление, что надевшей его женщине не больше пятидесяти.

На шее сверкало ожерелье из крупных синих сапфиров, в ушах – серёжки, а на левом запястье красовался такой же браслет.

Да уж, бабушка явно готовилась к тихой семейной встрече. И опять кавычки. Что-то меня сегодня тянет иронизировать. Наверное, от нервов.

Татьяна Викторовна смотрела холодно и строго. Даже, скорее, рассматривала нас. С ног до головы. Но меня её взгляд минул. Пролетел через меня, как сквозь пустое место и переключился сразу на стоявшего рядом Гришку.

Наверху лестницы началось какое-то движение, и я подняла глаза.

Там стояли ещё трое.

Мужчина в чёрном смокинге, наверное, и был тем самым дядей Кириллом.

А ещё две женщины.

Одна примерно Сашиного возраста, а вторая – совсем молоденькая, лет восемнадцати-девятнадцати.

Обе были одеты в чёрные струящиеся платья с блёстками, которые отличались только оттенком, более густым и тёмным у старшей женщины. Эти почти одинаковые платья только подчёркивали их сходство.

И обе были потрясающе красивы. Тёмные, почти чёрные волосы старшей были уложены тугим узлом на затылке, а у младшей спускались ниже плеч крупными красивыми волнами. Узкие лица с пухлыми алыми губами украшали широко распахнутые глаза, невероятного синего цвета.

Это была та красота, в которую вкладываются немалые средства. Но до чего ж они обе были хороши.

Я сразу решила, что это мать и дочь.

Вот только – кто они такие?

Меж тем троица медленно спустилась по лестнице и остановилась рядом с бабушкой. Все четверо смотрели на нас, словно королевская семья на приёме наблюдает за вереницей просителей и бедных родственников.

А я сейчас себя и чувствовала как бедная родственница. Хотя наша семья была весьма обеспеченной. И отец, и Саша хорошо зарабатывали. У нас был отличный дом в Анапе, квартиры в Москве и Питере. А ещё небольшая вилла в Испании. Мы часто путешествовали...

Но сейчас рядом с этими людьми возникало именно это ощущение – как будто мы пришли просить денег в долг.

И чего они так смотрят?

Может, ждут, когда мы начнём кланяться?

Я хмыкнула своей мысли и повернулась к Тёме, по привычке желая с ним поделиться. И вдруг перехватила его взгляд, направленный на девушку...

В нём читалось неприкрытое восхищение.

Я в своём простом платье, которое, по сравнению с её нарядом, казалось вообще простецким, выглядела, наверное, глупой провинциалкой, с чего-то решившейся прийти без приглашения на светский раут.

Вроде Золушки на балу, но без наряда от феи-крёстной и хрустальных туфель.

То ещё ощущение...

Поймав переглядывания Саши с папой, поняла, что не одна я пребываю в шоке. Никто из нас не планировал попасть на светский приём, поэтому оделись довольно просто.

Папа в брюках и светлой рубашке, Саша в красивом, но не вечернем платье. И Тёма с Гришкой тоже в брюках, но в футболках. У Гришки по центру груди была изображена перевёрнутая шляпа-цилиндр, из которой белые перчатки вытаскивали за уши кролика. А у Тёмки – жираф в очках и с бабочкой, а на ногах – кеды.

Всё же нас приглашали на семейный ужин. Не думала, что являюсь членом королевской семьи.

Я опять взглянула на брата. Но Тёмка по-прежнему не отрывал замороженных глаз от юной красотки.

И я почувствовала досаду. Сейчас, в логове Снежной королевы, когда я и так чувствовала себя донельзя уязвимой и нуждалась в его поддержке, он меня даже не замечал. Он прожигал глазами девушку, по сравнению с которой я смотрелась бледной молью.

И от этого хотелось плакать.

– Здравствуй, мама. Привет, Кирилл, – папа сделал несколько шагов и остановился перед родственниками. Выражение лица у него было несколько растерянным.

Мы все с некоторой заминкой, которая не осталась незамеченной, последовали за ним.

– Добро пожаловать, дорогой, – бабушка улыбнулась светской улыбкой, показав бело-снежные, идеально ровные зубы, но не выказав и грамма настоящей приветливости. Потом перевела взгляд за его спину и так же улыбнулась братьям: – Здравствуйте, мальчики.

Саше она просто кивнула, словно отмечая для себя её присутствие, а меня как обычно просто не заметила.

Внутри всколыхнулась застарелая обида. Всё же в глубине души я надеялась, что в этот раз будет иначе.

Как оказалось, зря...

И тут же вспыхнула злость. Я обязательно выскажу старой стерве всё, что думаю об этом её игноре. Я ничем не заслужила подобного отношения.

Уже даже набрала воздуха в лёгкие и сделала шаг, обходя братьев и выдвигаясь вперёд, но не успела. Потому что Татьяна Викторовна как ни в чём ни бывало продолжила:

– Мальчики, познакомьтесь, это ваш дядя Кирилл. Его жена Мони'к, и её дочь Флора'нс. Они француженки, но весьма неплохо говорят по-русски.

У Тёмки снова вспыхнули глаза. А я окончательно сникла. Потому сегодня меня снова никто не будет замечать. Как будто Алины Логиновой и вовсе не существует в природе. Разве что тень от неё, которая при свете двух солнц французского происхождения просто-напросто рассеется, сделавшись окончательно невидимой.

Ладно, просто досижу тихонько до конца вечера и поеду домой.

В конце концов, это не причина устраивать скандал.

Тёма первым подошёл к француженкам, поцеловал обеим руки. По очереди, сначала матери, затем дочери. Её пальцы он недопустимо долго задержал в своей ладони.

И почему я вообще об этом думаю? Какая мне разница, на кого запал мой брат? Это всё равно не продлится долго. Ни одна не продержалась больше пары месяцев.

Просто из-за этого я чувствую себя ещё более одинокой.

Папа пожал руку своему брату, затем поздоровался с его женой и падчерицей, представил Сашу и нас.

Меня тоже.

И в этот момент я поняла, что веду себя как обиженный подросток. То, что бабушка отказывается меня замечать, это... проблема бабушки, а не моя.

Я здесь со своей семьёй и ради своих родных. Тех, кто мне по-настоящему дорог. Которым тоже было непросто явиться сюда. Это становилось ясным, стоило только взглянуть, как сильно Саша стискивала руку отца, которую не выпускала ни на секунду.

Она здесь ради него. И я тоже.

А бабуля может идти лесом.

– Пройдёмте в гостиную, туда подадут напитки, – наконец пригласила нас Татьяна Викторовна.

Я глубоко вдохнула, смирив чувство внутреннего протеста и двинулась вслед за остальными.

Сразу за нами в гостиную появились двое слуг. В белых пиджаках и чёрных бабочках. Тёма совсем неприлично присвистнул, увидев, как первый из них вкатывает тележку, уставленную различными бутылками.

Что ж, масштаб этого скромного семейного ужина становился всё более впечатляющим.

Второй слуга спрашивал у каждого из гостей, какой напиток тот предпочитает, и передавал информацию первому. Первый выбирал бутылку, бокал или стакан и наливал.

Я попросила сухого вина, заметив, что Саша заказала этот напиток. К алкоголю я была равнодушна и вообще в нём не разбиралась. А вкусу мачехи доверяла.

Сделала глоток и огляделась по сторонам.

Гостиная поражала воображение.

Похоже, с тех пор, как я здесь не бывала, бабушка наняла дизайнера интерьеров. Потому что дом был абсолютно не похож на то, что я помнила. Теперь гостиная выглядела стильной, красивой и совершенно не жилой.

Как музей.

Музей тщеславия.

По центру, друг напротив друга, стояли два больших светло-серых дивана. Между ними – невысокий овальный столик со столешницей молочного оттенка и красивыми ножками, словно сплетёнными из нескольких длинных прутьев лозы, перевитых в геометрическом рисунке и позолоченных. На диванах в тщательно продуманном живописном беспорядке лежали тёмно-серые и фиолетовые подушки, а рядом расположились насыщенно-фиолетовые кресла.

У стен симметрично стояли изящные столики, а прямо над ними, также симметрично, висели абстрактные картины.

– Тебе нравится? – раздался у меня над ухом звучный женский голос с заметным французским акцентом.

Я резко повернулась от неожиданности, и часть вина пролилась на ковёр с длинным мягким ворсом красивого кремового оттенка.

Мы с женщиной переглянулись.

После чего я заозиралась в поисках чего-нибудь, чем можно вытереть мокрое пятно, пока жидкость окончательно не впиталась в ковёр.

– Не беспокойся, милочка, здесь есть, кому убрать.

От её снисходительного взгляда и такого же тона я покраснела. И правда, провинциалка на фоне истинно аристократического поведения этой женщины.

Как там её?

Моник, кажется?

– Здесь очень красиво, – вернулась я к предыдущей теме, сочтя её более безопасной для моей гордости.

– Моя работа, – улыбнулась Моник и пояснила: – Я дизайнер интерьеров. В Париже у меня своя фирма. Весьма востребованная... А ты?.. Чем ты занимаешься?

– Я ветеринар, – произнесла с гордостью. Пусть я ещё и не работала по специальности, только проходила практику. Но уверена, что стану хорошим доктором для животных.

Впрочем, Моник не разделяла моих надежд, потому что её лицо скривилось. Пусть всего лишь на долю мгновения, но этого было достаточно, чтобы сформировать моё окончательное мнение об этой женщине.

Такая же пустая и тщеславная задавака, как и моя бабушка.

К счастью, появился ещё один слуга в белом пиджаке и сообщил, что ужин готов.

Столовая тоже стала похожа на музей. Но еда была вполне настоящая. С красивой, слегка вычурной сервировкой. И слугами, которых оказалось четверо, и которые сновали вокруг стола, меняя блюда и подливая напитки.

Перемен было четыре, не считая закусок.

А вот разговор не клеился.

Точнее вёлся в основном французскими гостями на интересные их темы, Тёма выражал живой интерес и даже задавал наводящие вопросы, иногда свои реплики вставлял Кирилл и Татьяна Викторовна. Остальные просто ели. Молча, иногда издавая неопределённые междометия, когда отмалчиваться становилось уже слишком не вежливым.

Над столом висело напряжение.

Я никак не могла отдать должное осетрине или «мраморной» говядине, потому что просто не чувствовала вкуса. Всё было похоже на вату, которую приходилось брать правильной вилкой, отрезать правильным ножом и аккуратно пережёвывать каждый кусочек.

Я понимала, что ужин – это не всё. Бабушка приготовила нам ещё что-то. Какой-то уж слишком сосредоточенной она выглядела, как будто готовилась к выступлению на бис.

И всё же, когда ужин завершился, я почувствовала облегчение. Нервное напряжение стало столь ощутимым, что меня мучило от одного вида еды, не говоря уж о запахах.

Поскорей бы эта пытка завершилась, бабуля сообщила, что собиралась, и мы смогли бы вернуться домой и забыть эту радостную семейную встречу, как кошмарный сон.

Татьяна Викторовна поднялась из-за стола первой и сообщила, что ужин закончен, и она просит всех вернуться в гостиную. У неё есть сообщение, и она хочет кое-чем с нами поделиться.

Я оглядела своих родных. Папа с Сашей при этих словах как обычно переглянулись, привычно обмениваясь мыслями. Гришка с живым интересом рассматривал интерьер и казался погружённым в какие-то собственные расчёты. А Тёмка что-то шептал на ухо Флоранс, отчего та глупо хихикала.

И мне стало неприятно от её реакции.

Глупая кукла.

И что он в ней нашёл?

В гостиной для бабушки уже поставили кресло, а нам предложили рассесться на диванах. Смотреть на Татьяну Викторовну вполборота было не слишком удобно, но, похоже, наше удобство волновало её в последнюю очередь.

– Дорогие мои сыновья и... внуки... – она выделила это слово интонацией так, чтобы сразу стало понятно – внучку она в виду не имеет.

Я сжала кулаки, напоминая себе, что это уже совсем скоро закончится, и всё будет как прежде. Я вернусь домой и забуду о любимой бабушке ещё на несколько лет.

– Я умираю... – вдруг продолжила она, после чего сделала паузу.

Такую долгую, хорошую, прямо-таки театральную паузу.

«В зале» начались перешептывания и обмены удивлёнными взглядами. Одна я смотрела прямо на Татьяну Викторовну, не понимая, зачем нужно было обставлять это сообщение подобно помпой. Не то что бы мне не было её жаль...

Да и как умирает...

Вот же она сидит напротив меня вполне себе цветущая, дорого одетая, с отличным макияжем... Я попыталась абстрагироваться от него и смотреть внимательнее, чтобы подметить

заострившиеся черты лица, тонкие морщинистые руки с выдающимися синими венами на бледной коже, тусклые волосы, которые обработали специальным составом и искусно уложили, отчего те теперь отлично выглядят. Но только на первый взгляд.

Значит, бабушка больна?

Мне стало стыдно. Я успела надумать о ней столько гадостей. А теперь она умирает... Надо попробовать поговорить с ней, помириться. Всё же мы родные друг другу. Пусть у неё и сложный характер.

– У меня обнаружили опухоль... Поэтому я собрала вас здесь, – Татьяна Викторовна продолжила говорить, и все шепотки разом смолкли. – Через несколько дней я улетаю в Германию на операцию и хочу подготовиться к любому развитию событий.

Ну операция в хорошей клинике – это же обнадеживает? Может, она и не умрёт. Может, всё образуется. Многие больные раком сумели одолеть недуг и живут полноценной жизнью. Ну или почти полноценной.

– Доктор даёт мне не более четырнадцати процентов благоприятного исхода... – опровергла она мои надежды. – Я уже подготовила завещание. Всё решено. И сейчас я оглашу вам свою волю...

– Мама, – перебил её мой отец, поднявшись с дивана, его голос звучал взволнованно, – почему ты раньше молчала? Когда обнаружили опухоль? Почему только сейчас собралась делать операцию? Может, посоветоваться с другими специалистами?

– Дорогой, – Татьяна Викторовна улыбнулась, снисходительно так, словно неразумному малышу, – я не хотела тебя волновать. Поверь, меня обследовали разные специалисты, а оперировать будет самый лучший хирург...

Под её взглядом отец опустил обратно на диван, было видно, что он ошарашен.

– Итак... – Татьяна Викторовна вытянула руку в сторону, и подошедший слуга вложил в неё папку. После чего бабушка продемонстрировала её нам: – Здесь документы, подтверждающие собственность. Всё заверено у нотариуса и имеет законную силу. Тебе, Ярослав, я оставляю этот дом. Тебе, Кирилл, достанутся квартиры в Москве и в Лондоне. Мальчики, вам я завещаю по сто тысяч долларов. Вы сами себе купите, что захотите. Ещё у меня есть акции, ценные бумаги и так... всякие мелочи. После моей смерти вы четверо получите по двадцать пять процентов от всего остального...

Она снова сделала паузу, словно задумавшись.

К этому моменту я уже не просто негодовала, я кипела от злости. Мне не нужно было её имущество, но то, как она обошлась сейчас со мной, можно было назвать только плевком... И я не выдержала...

Нет, я не собиралась устраивать скандал. Но обнаружила себя уже стоявшей на ногах и грозно глядевшей на эту старую дрянь, устроившую мне прилюдную показательную порку.

– А как же я?.. – прозвучало растерянно и жалко. – Твоя внучка...

– У меня нет внучки, – отрезала она, её глаза довольно сощурились, как будто Татьяна Викторовна ждала моего протеста и была бы разочарована, если бы я промолчала.

– Нет, есть!..

Но она не дала мне продолжить.

– Ты не моя внучка и не дочь Ярослава. Ты нам никто. Приблудыш, которого твоя мать нагуляла неизвестно от кого...

– Мама, прекрати! – отец перебил её, но было уже поздно.

Я поймала его взгляд. В нём было чувство вины, жалость... и ничего, что опровергало бы слова этой женщины, которую я столько лет считала своей бабушкой.

Я почувствовала, как подкашиваются мои ноги, и опустилась на диван. Обвела всех ошарашенным взглядом. Тёма и Гришка смотрели так же потрясённо.

А вот родители...

И папа, и Саша всё знали.

Как же так?

Я больше не выдержала нахлынувшего на меня шквала эмоций, вскочила и бросилась наутёк.

Глава 4

Я выбежала на улицу. Мне не хватало воздуха. Казалось, что-то глубоко внутри меня мешало ему проходить и не пускало в лёгкие. Я наклонилась, опустив голову между колен, и стояла так несколько мгновений, глубоко дыша, почти насильно проталкивая кислород в лёгкие, заставляя его наполнять кровь.

Я не позволю этой старой карге убить меня.

– Алина! – Тёмка замер в проёме дверей, оглядывая территорию, и спустя секунду зацепился за мою сложенную пополам фигуру.

Мне не хотелось с ним разговаривать. Ни с кем не хотелось. Не сейчас Мне просто необходимо побыть одной. Хотя бы немного. Пока я не осмыслю полученную информацию и не придумаю, что с ней делать.

Как жить дальше с этим знанием...

Поэтому я развернулась и помчалась прочь.

Жук стоял посреди двора. Как хорошо, что я не загнала его в гараж. Ключ зажигания темнел в замке. Всё, что мне было нужно, это успеть нырнуть в салон, завести машину и забарикадироваться, пока Тёма меня не догнал.

Я успела.

Он стоял рядом с Жуком и стучал в водительское окно. Но я заставила себя не смотреть на брата. Точнее совсем не брата. Постороннего человека, который мне теперь кто?

Правильно – никто.

А значит, мне стоит держаться от него подальше. Как можно дальше.

Сдавая назад, к воротам, я всё же не удержалась и взглянула на Тёмку. Он шагал рядом с машиной и отчаянно цеплялся пальцами за стекло. Как будто, стоило ему отпустить, и я исчезну навсегда. Будто для него это имело жизненно важное значение.

– Алинка, открой, – говорил он, – это всё ерунда. Вместе мы всё решим.

Но я заставляла себя не смотреть на него и не слушать.

Поняла, что не вижу ничего впереди. И когда успел начаться дождь? Я включила дворники и только тогда обнаружила, что это не дождь.

Это я плачу.

Вытерла рукой слёзы и, больше не слушая бывшего брата и самого близкого мне человека, вывела машину из ворот.

Больше он за мной не шёл.

Всё правильно – мы теперь чужие люди.

Я вдавила педаль газа и помчалась по улице. Прочь из города. Прочь от своей прошлой жизни.

Не знаю, сколько я так гнала по шоссе, лавируя между машинами, и только чудом несколько раз избежав столкновения. Но, когда увидела, как встречный автомобиль вильнул из-за меня, и его повело на обочину, очнулась.

Не хочу, чтобы из-за меня кто-то пострадал.

Сбросила газ и съехала к лесополосе, чуть постояла, убедившись, что та машина благополучно выровнялась и двинулась дальше, а после поехала вперёд, постепенно оказавшись между полем и лесом.

И самое главное – в полнейшем одиночестве.

Тогда я наконец выбралась из Жука, не боясь, что меня кто-то увидит, упала на землю и завывала от отчаяния, оплакивая самую страшную потерю в своей жизни. Ведь у меня теперь не было семьи. Я осталась совершенно одна, никому не нужная в этом диком, жестоком мире.

И что мне теперь делать?

Над ухом раздалось чьё-то учащённое дыхание, а щеки коснулось нечто мокрое и тёплое. Я подняла голову. На меня, высунув розовый язык, смотрел пёс, повиливая обрубком хвоста.

Я шмыгнула носом, вытерла слёзы и протянула руку, чтобы убедиться, что собака мне не привиделась, уж слишком неожиданной оказалась эта встреча.

У него оказалась гладкая атласная шкура тёмно-коричневого, почти чёрного цвета. Я погладила её, вдыхая запах собаки, и убеждаясь, что она мне не привиделась.

Точнее он. Это был кобель.

– Ты как здесь оказался, мальчик?

Пёс никак не отреагировал на вопрос. Молча уселся рядом, чего-то ожидая.

И я только теперь поняла, что лежу в пыли в мятом платье, с опухшим от слёз лицом. И видок у меня наверняка ещё тот. Хорошо, что собаки равнодушны к внешнему виду.

– Джек, ко мне! – раздался невдалеке громкий мужской голос.

А вот это уже хуже.

Как-то с хозяином я не рассчитывала встречаться. Джек убежал на зов, снова оставив меня одну.

Может, он меня не выдаст? И его хозяин пройдёт мимо.

Но моим надеждам сегодня не суждено было сбываться.

– Вам нужна помощь? – спросил меня тот же голос.

Я коротко взглянула на него, быстро фиксируя внешность человека, отмечая высокий рост, ёжик светло-русых волос, прямой нос, резко очерченные губы и глаза... Того удивительного льдистого цвета, что я видела только на фотографиях тётушки Милли, которые она привезла из очередной своей безумной экспедиции в Арктику. Такого цвета на тех снимках была вода в озёрах, образовавшихся внутри айсбергов.

Сверкающий голубой, так бы я это назвала.

Я поднялась на ноги, стараясь больше не смотреть на незнакомца. Пусть и было неблагоприятным поворачиваться спиной к первому встреченному в лесу человеку. Но всё же нечто глубинное, исконно женское, не позволяло мне демонстрировать незнакомому мужчине опухшее и запylённое лицо.

Но он сам обошёл меня и заглянул в глаза.

– Что у вас случилось? – его неожиданно сильные руки придержали меня за плечи, не давая снова отвернуться. Но я даже не испугалась. Наверное, то отчаяние, что поселилось внутри с недавних пор, выжгло из меня все остальные страхи и чувства.

– Всё в порядке, – ответила я, шмыгая носом.

– Оно и видно, – мужчина рассмеялся, но совсем не обидно. Так, что даже захотелось улыбнуться в ответ.

И уголки моих губ уже почти дрогнули в улыбке, но в этот момент я заметила, что на плече у мужчины – ружьё, а в кармане серой, военного образца куртки при каждом движении чуть позвякивают патроны.

Охотник или маньяк?

– Вы охотник? – спросила я о первой догадке. Спрашивать о второй было как-то неловко.

– Охотник, – подтвердил он, перед этим оглянувшись на ружьё. Словно и сам в том был не до конца уверен. – Правда, вы у нас с Джеком первая и единственная добыча.

А вот улыбаться он умел. Чутьочка смущения в одном уголке губ, чутьочка растерянности – в другом, и ко всему этому – бездна обаяния.

Не сдержавшись, я тоже улыбнулась в ответ.

– Так что с вами случилось? – продолжил он допрос.

И я замаялась...

С одной стороны, говорят, что нет лучше слушателей, чем те, кого мы больше никогда не увидим, а с другой – вывернуть душу наизнанку перед первым встречным я всё же была неспособна.

А потому ответила нечто среднее:

– Поссорилась с родными...

– Ну, девушка, это не причина, чтобы рыдать одной в лесу, – в голосе незнакомца не слышалось осуждения, но было понятно, что моего поведения он не одобряет.

– Я не одна, я с Жуком, – махнула рукой на машину.

Взгляд незнакомца проследил за моим жестом и вернулся обратно к моему лицу. Выражение глаз у охотника было непонимающим.

– Я на машине, – пояснила ему и снова улыбнулась.

– Тогда вам следует поехать домой и помириться с семьёй, – ответил он серьёзно, не поддаваясь на мой легкомысленный тон.

– Пожалуй, я именно так и поступлю, – согласилась с всё той же, словно приклеившейся к губам улыбкой. Теперь этот тип начинал меня пугать. Нужно и правда уезжать отсюда.

– До свидания, – он коротко кивнул мне и громко свистнул: – Джек, ко мне!

Из кустов выбежал пёс и остановился рядом с хозяином, ткнувшись носом ему в ладонь.

– До свидания... – ответила я, глядя, как они оба исчезают в кустах. И тут же вздохнула с облегчением. Всё-таки этот охотник очень странный. То улыбается, почти флиртует, то вдруг прожигает дыру взглядом. Брр...

Но эта странная встреча привела меня в чувство.

Надо ехать домой...

Возвращаться не хотелось, потому что дома меня ждёт долгий разговор. Сегодня я наконец услышу подробности своего рождения и те семейные тайны, которые прежде от меня тщательно скрывались.

Я тяжело вздохнула, но заставила себя смириться с неизбежным.

Конечно, мне не хотелось трогать болезненные темы и ворошить прошлое, но, боюсь, теперь от этого никуда не деться. Бабуля постаралась усложнить мою жизнь.

А я вот слышала, что перед смертью принято всех прощать. Усмехнулась дурацкой шутке и побрела обратно к Жуку.

– Как хорошо, что ты у меня есть, дружок, – провела пальцами по рулю, лаская его словно живое существо.

Повернула ключ, переключила режим, машина медленно двинулась задом обратно к трассе.

Теперь я слышала, как о днище шуршат длинные травинки, а ветки кустов царапают дверцы, словно пытаются ухватиться и задержать, как жужжат снаружи мухи, а слепни бьются о стекло, просясь внутрь. Надо же, а по дороге сюда всего этого не замечала. Пронеслась как бешеная, ничего не видя кругом.

Теперь же я разглядела и зелёные, чуть припылённые по краю просеки листья высоких акаций с левой стороны, и золотистые колосья пшеницы с правой.

Интересно, где я?

Ведь заехала в настоящую глушь. Хорошо, что на машине, а так бы пришлось по мху на деревьях определять стороны света или по солнцу ориентироваться.

Я взглянула на солнце и поняла, что совершенно не представляю, как по нему ориентироваться. Вроде встаёт оно на востоке, а заходит на западе.

Ну и как эта информация могла бы мне помочь?

Я засмеялась. Резко, истерически, выплёскивая накопившиеся эмоции и страх.

Мне нужно домой...

В этот момент машина резко задёргалась, издавая какой-то кашляющий звук. Я испугалась и убрала ногу с педали газа. Машина перестала кашлять, и я снова нажала на педаль.

Вот только мотор молчал.

Я повернула ключ зажигания. Стартер усиленно закричал и тут же смолк. Я попробовала снова. И снова. И снова. И снова...

Пока звуки окончательно не затихли.

И тогда меня захлестнула самая настоящая паника. Я нахожусь неизвестно где, совершенно одна, в сломанной машине.

И вокруг ни единой живой души, кроме маньяка-охотника и его собаки.

Зазвонил телефон. На экране высветилось знакомое имя и фотка Тёмы.

Я сняла его, когда он приезжал ко мне в Питер на выходные. Мы дурачились, примеряя картонные короны из «Бургер кинга». И я его сфотографировала.

Ответила, когда мелодия проиграла почти до середины. Наконец решилась и с глубоким вдохом пробормотала в трубку тихое и жалобное:

– Тём...

– Алинка, не дури. Давай быстро домой!

– Я не могу, – и снова разревелась. Теперь уже от облегчения, потому что Тёма мне поможет.

Он всегда меня выручал из, казалось бы, совершенно неразрешимых ситуаций. Как например, в Париже, когда мальчишки смеялись надо мной, а Тёмка с ними подрался. Или когда я уронила Сашину камеру и очень боялась, что мне влетит. Брат взял всю вину на себя. И хотя Саша почти не ругалась, только расстроилась, я всё равно воспринимала Тёмку своим спасителем.

– Почему не можешь? – тон у него был донельзя деловой и собранный.

– Машина не заводится, – а вот я шмыгала носом и никак не могла остановиться.

– Как не заводится? Она же новая! – кажется, Тёмка начинал раздражаться из-за моих непонятных ответов.

– Я не знаю... – слёзы снова потекли из глаз.

– Ладно-ладно, – он тут же пошёл на попятный. – Сейчас разберёмся. Попробуй повернуть ключ...

– Я пробовала... не получается... – прозвучало жалко и глупо, как у маленькой девочки.

– Звук какой, когда ключ поворачиваешь?

– Никакого...

– Совсем-совсем?

– Совсем...

– А как долго ты поворачивала?

– Не знаю... долго...

– А какой звук было до того, как совсем никакого не стало? – Тёма говорил медленно и спокойно, чётко проговаривая каждое слово. Для его нетерпеливой натуры это было немалым подвигом, но он понимал, что я напугана, и говорил со мной, как я сама бы стала разговаривать с раненым животным, которое в первую очередь нужно успокоить и отвлечь.

Я задумалась. И правда, а какой был звук?

– Знаешь, такое жужжание натужное, как будто муха кряхтела...

– Значит, аккумулятор сдох... – подвёл неутешительный итог Тёмка.

– Но почему? – я не могла понять. – Жук ведь совсем новый...

– Не знаю, на месте разберёмся. Где ты находишься?

И тут мне пришлось признаваться:

– Не имею ни малейшего понятия.

Глава 5

Артём переводил растерянный взгляд с бабушки на родителей.

Что здесь вообще происходит?

О чём она говорит?

Какая-то чушь про Алинку...

Но отец выглядел подавленным, а мама – виноватой. Бабушка же, напротив, смотрела горделиво и улыбалась. Как будто высказала то, что уже давно копилось в её душе и требовало выхода.

Она явно была уверена, что сделала хорошее дело.

Кирилл и его жена тоже выглядели растерянными. Похоже, они не ожидали, что окажутся в центре семейного скандала.

Папа не выдержал, подошёл к своей матери и начал что-то говорить вполголоса. Артём не слышал слов, да и стоял отец к нему спиной. Но довольное выражение лица быстро слетело с Татьяны Викторовны.

И Тёма был этому весьма рад.

Старая ведьма!

– Мне очень жаль, что так получилось с твоей сестрой... – с лёгким акцентом раздалось рядом. На плечо Тёме легла изящная девичья рука, а ноздрей коснулся лёгкий дразнящий аромат.

Артём повёл носом, вдыхая глубже, и перевёл взгляд на девчонку, которая явно хотела познакомиться поближе.

Убегающую из комнаты Алинку он заметил почти в последний момент, когда её светло-зелёное платье мелькнуло в проёме двери.

Чёрт!

– Извини, – он вскочил с дивана, задев коленом придвинувшуюся к нему французенку. Похоже, забыл её имя.

Да и какая разница, его сестрёнке нужна помощь.

– Алина!

Она стояла на улице, согнувшись в три погибели. У неё явно была паническая атака.

Услышав его голос, Алина распрямилась. В глазах появилось затравленное выражение. Так сестра никогда на него не смотрела. И Тёме стало страшно.

А потом она села в своего новенького «жука» и захлопнула дверь прямо у него под носом.

– Алин, открой! – он постучал в окно костяшками пальцев. Смотрел, как она сидела, глядя перед собой. В никуда. Сложно было даже представить, что творилось у неё внутри.

Потом сестра перевела взгляд на него. В её глазах застыла решимость.

– Не надо, не делай этого, – просил он, уже понимая, что она собирается сделать.

Сбежать.

Это всегда самым первым приходило ей в голову, сколько Тёма ни учил её давать отпор неприятностям. Как тогда в детстве, когда Алинка заехала ему в глаз. Но это был, пожалуй, единственный раз, который он смог вспомнить. Во всех остальных случаях сестра сбегала от проблем и где-нибудь подальше обдумывала варианты их решения.

Или звонила ему.

И сейчас Тёма предпочёл бы именно этот вариант.

Но Алинка отвернулась от него и нажала на газ. Артём отчаянно цеплялся ладонями за стекло, как будто это могло остановить машину.

– Пожалуйста, – продолжал умолять он.

Но она не слышала. Выхала задом за ворота и исчезла за поворотом улицы.

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Хотелось рвать и метать. А лучше – что-нибудь разбить.

Артём ударил ногой, взметнув с дорожки гравий, рассыпавшийся по траве газона. Потом ещё раз. И ещё.

Но легче не стало.

Внутри закипала злость на старую дуру, которая не умела держать язык за зубами. И причинила боль его близкому человеку. Пожалуй, даже самому близкому.

Он решительно зашагал внутрь дома.

Створка двери от потока воздуха слегка сдвинулась, частично перегораживая проход, совсем немного, но достаточно, чтобы вызвать ещё большую злость. Артём изо всех сил толкнул её и почувствовал мстительное удовлетворение, когда дверь с громким стуком ударилась о стену, а затем захлопнулась за его спиной.

– Ну что, ты довольна? – спросил он с порога.

Отец с матерью и Гришкой уже двигались к выходу. Решили, что с них тоже достаточно родственного гостеприимства.

Бабушка повернула к нему лицо и растянула рот в улыбке, похожей на гримасу. И в этот момент с неё слетело всё наносное, весь пафос и попытки выглядеть величественно. Перед ним стояла больная одинокая старуха. И теперь Артём ясно видел, что она действительно умирает.

Похоже, Татьяна Викторовна прочла это на его лице. Потому что её глаза сузились от злости.

И она почти по-змеиному прошипела:

– Да, теперь я довольна. Я наконец-то сказала правду. Этой приبلуде не место в нашей семье.

– А ты уверена, что у тебя есть семья? – это произнёс отец. Он несколько секунд смотрел в глаза своей матери. И с каждым мгновением она словно бы становилась ниже ростом.

И Артём понял, что эта озлобленная женщина никогда не была по-настоящему ему бабушкой. Она всегда находилась вне их семьи. И теперь от её потери для них ничего не изменится.

– Оставь этот дом себе, здесь слишком много злобы и зависти, чтобы быть счастливыми, – сказал отец, перед тем как выйти из гостиной.

– И деньги твои нам тоже не нужны, – добавил Артём, поймав согласный кивок Гришки. Да пошла она со своим грёбаным наследством...

На улице папа первым делом набрал Алинкин номер. Из трубки доносились длинные гудки. Она или не слышала звонка, или не хотела отвечать.

– Поехали искать вашу сестру, – велела Саша, садясь в машину.

– Вы езжайте, а я зайду в наше любимое кафе. Может, она там сидит...

– Хорошо, встретимся дома через час. Если будут какие-нибудь новости, сразу звони, – напутствовала мама, в глазах у неё стояли слёзы.

– Мы найдём её, – пообещал Артём. И это была правда. Он разобьётся в лепёшку, но отыщет свою сестру. И пофиг ему на всякие ДНК-тесты. Она член семьи, и этого никто не сможет отнять.

В кафе было пусто. Точнее пару столиков занимали какие-то парочки. Но вот Алины не было видно.

Артём заказал себе чашку кофе. Чёрный с одной ложкой сахара. И капучино для Алинки. Посыпанный корицей и очень сладкий. Как она любила.

Всё-таки он надеялся, что сестра заедет сюда.

Ну вот куда она ещё может пойти?

Может, на пляж? Но сейчас там много людей, а Алинке в такой момент наверняка захочется уединения.

Несмотря на уверения себя, что всё между ними останется по-прежнему, что совершенно ничего не изменилось, Артём понимал – как раньше уже не будет. Потому что это знание никуда не исчезнет. И в первую очередь для самой Алины.

Как бы он себя чувствовал, если б узнал, что его семья – вовсе не его семья?

А ведь этой способности – ставить себя на место другого, чтобы понять, что тот чувствует, его тоже научила Алинка. Ему раньше и в голову не приходило заботиться о чьих-то там переживаниях.

Пока в его жизни не появилась сестра – хрупкая, напуганная неотвратимыми переменами, но решительная, собиравшаяся отстаивать тех, кто ей дорог.

Алинка...

Сейчас он даже не представлял жизни без неё.

Артём несколько раз набирал номер и слушал долгие гудки. Потом нажимал кнопку отбоя и снова набирал.

Затем позвонила мама и встревоженным голосом спросила, есть ли у него новости. Новостей у него не было, у родителей тоже. Дома Алина всё ещё не появлялась.

И Артём решил, что нужно ехать к родным. Вместе они решат, как быть дальше.

Он попросил счёт и оставил официантке щедрые чаевые, присовокупив к ним описание Алины, свой номер телефона и просьбу позвонить, если сестра вдруг зайдёт в кафе.

Но домой Артём не доехал, потому что после очередного долгого гудка трубка вдруг ответила голосом Алины, тихим и испуганным:

– Алё...

Свой первый порыв – высказать ей всё, что накопилось за этот долгий час ожидания – Артём сумел смирить. Собрал силу воли в кулак и проявил максимум терпения, на который был способен. Устроить взбучку он всегда успеет. Главное, чтобы сестрёнка сначала вернулась домой.

Но Алинка и тут отличилась...

Оказывается, в «жуке» кончился бензин. Потому что заехать на заправку ей, конечно, в голову не пришло. А в бесплодных попытках завести машину его умница-сестра умудрилась посадить аккумулятор. К тому же заехала она бог знает куда и теперь не представляла, где находится.

Да уж, умеет она задать ему задачку...

Первым делом Артём позвонил домой и успокоил родителей. Алина жива, только кончился бензин в машине. Да, он поедет за сестрой и привезёт её домой. Нет, он справится сам. И не стоит волноваться. Всё будет хорошо.

Затем отследил местонахождение сестры при помощи специального приложения. Его разработал один знакомый хакер. Скорее всего, программка была не совсем законной, поэтому и продавалась только для своих, причём за немалые деньги. Артём приобрёл приложение просто на всякий случай. Мало ли где понадобится. Вообще, оно было создано для детей, но вот пригодилось и для поиска двадцатидвухлетней девицы.

Артём усмехнулся.

А потом нахмурился, увидев, где она находится... Получалось, что Алинка успела умотать на семьдесят километров от Анапы. Причём рядом с ней не было ни одного населённого пункта.

Он точно устроит ей порку, когда найдёт!

Найти бы только поскорее...

Артём вызвал эвакуатор, неуверенный, что отсутствие бензина и севший аккумулятор – это единственные проблемы, которые Алинка успела создать своему «жуку». Сам же вернулся домой и взял папин кроссовер. Его собственная машина осталась в Москве, потому что Тёма хотел лично доставить подарок сестре.

Ехал по навигатору, куда забил координаты. Двигаться приходилось медленно, поскольку эвакуатор не был способен выдавать больше восьмидесяти километров в час. И как ни была сильна внутренняя потребность скорее найти сестру, крепко обнять её, отругать, а потом ещё раз обнять, Артёму приходилось напоминать себе, что нельзя слишком усердно выжимать педаль газа.

Дождь начался, когда до места оставалось около десяти километров. Сначала на лобовое стекло начали падать редкие крупные капли. Только тогда Артём, слишком сосредоточенный на мыслях о сестре, заметил нависшие над трассой тёмно-свинцовые тучи.

Сверкнула яркой вспышкой молния, вслед за ней раздался оглушительный раскат грома, и спустя несколько секунд над машиной разверзся небосвод, выливая на ветровое стекло плотный поток воды.

«Дворники» работали на пределе, но видимость была почти нулевой. Артём снизил скорость почти до минимума, включил фары на дальний свет, но продолжал двигаться вперёд.

Он попытался набрать сестрёнку, успокоить, сказать, что помощь едет. Но телефон Алины оказался вне зоны действия сети. Наверное, разрядился.

Раздражение на сестру мешалось со страхом, который с каждым минутой всё нарастал, в конце концов, обратившись в панический ужас. Который ещё больше усиливался оттого, что Артём не знал точно, где Алина, в каких условиях и не грозит ли ей прямая опасность.

Что если она застряла в болоте и теперь медленно тонет, умоляя о спасении? Вот только мольбы её никто не слышит. А по такой погоде Артём не способен ехать скорее и может опоздать...

Вот о последнем он старался не думать.

Всё будет хорошо. Он обязательно найдёт Алинку и вытащит её из беды.

Время, как и машина, тянулось ужасающе медленно. Точка на навигаторе почти не приближалась. Водитель эвакуатора уже пару раз набирал Тёмин номер, но тот лишь искоса смотрел на экран телефона и не реагировал. Он понимал, что постороннему человеку нет смысла спешить в такую непогоду. Потому что ему, в отличие от Артёма, некого спасать.

Когда навигатор сообщил, что Тёма прибыл на место назначения, гроза уже разошлась вовсю.

Артём припарковался на обочине, оставив включённым аварийный сигнал, ритмично моргающий жёлтым. Пару минут спустя позади него остановился эвакуатор.

Мимо них по трассе медленно проплывали редкие машины. Те, кто поумнее, решили пересидеть непогоду где-нибудь в тепле и сухости. Тёма усмехнулся, они с Алиной к этой категории явно не относились.

По левую сторону в плотной пелене дождя можно было с трудом различить высокую, уже слегка примятую водой траву и плескавшиеся на ветру ветки кустарников, густо прилепившиеся к обочине. За ними с трудом угадывалось поле с уже украсившейся колосками пшеницей. А дальше темнел лес.

Машину Артём разглядеть не сумел и понял – придётся спускаться туда, чтобы разыскать Алину.

Он уже открыл дверь, собираясь броситься под дождь, когда зазвучала мелодия мобильного телефона.

Эвакуаторщик.

Чёрт, он совсем забыл о нём.

– Серёг, слушай, я спущусь вниз, поищу сестру и наберу тебя. Жди пока тут.

Артём нажал кнопку отбоя и сунул мобильник в карман брюк. Будем надеяться, что не промокнет.

А потом набрал полную грудь воздуха и, словно в море, нырнул под дождь. Тут же холодные капли изо всей мочи забарабанили по спине и рукам. Футболка промокла насквозь в считанные секунды. В кроссовках захлюпало.

Артём вжал голову в плечи, сожалея, что не взял с собой хоть какой-нибудь кепки, чтобы прикрыть голову, по которой барабанили косые струи.

Дорожка отыскалась быстро. По ней иногда ездили, поэтому две колеи чётко отпечатались в густой траве.

Артём начал спуск вниз, то и дело оскальзываясь на мокрой земле, которая чернела в местах проплешин, вырванных колёсами автомобилей или даже тракторов.

По дорожке он прошёл метров двадцать, прежде чем увидел жёлтое пятно «жука». И порадовался, что выбрал эту яркую расцветку. Заметить в серой пелене дождя серую же машину было бы намного труднее.

Впрочем, его опасения оказались напрасны. Подойдя ближе, Артём увидел, что машина стоит прямо на дороге. Значит, в любом случае он упёрся бы прямо в неё.

Быстрыми шагами дошёл до пассажирской двери, распахнул её и юркнул внутрь.

– Алинка, ну ты и напугала нас... – начал он, одновременно поворачиваясь к сестре.

Но глаза наткнулись на пустое водительское кресло. Впрочем, отсутствие Алины в машине он почуял ещё раньше. Но верить в это не хотел до последнего.

Где она может быть?

Нет, она доведёт его до ручки, эта глупая девчонка. Тёма ударил кулаком по «торпеде», чувствуя, как притихшая было паника вновь набирает обороты.

Где она может быть?!

Артём снова выскочил под дождь.

– Алина! – закричал во всю мощь своих лёгких. – Алина! Ты где?! Алина!!!

Дождь затмевал все звуки. Как Артём ни прислушивался, но ответного крика не различил.

Что же делать?

Он уже собрался исследовать подлесок, надеясь, что не заблудится. При почти нулевой видимости это было бы неудивительно. Но тут ему в голову пришла идея.

Артём ударил по рулю, сначала коротко, слушая, как гудок прозвучит в шуме дождя. Но слышно ничего не было. Тогда он нажал всей ладонью и держал долго, пока рука не начала затекать, затем сменил положение и снова жал на клаксон, помня, что гудок у «жука» был громкий, звучный, такой, что можно расслышать себя даже в мощном шуме летнего ливня.

Вот только сейчас машина не издавала ни звука.

Чёрт! Как он мог забыть – сестрёнка посадила аккумулятор. Так что теперь не будет ни гудка, ни света фар. Машина всё равно что мертва и ничем не поможет в поисках Алины.

Но так просто сдаться Артём не мог. Он должен был проверить, убедиться, быть уверенным на сто процентов. Он попытался заглянуть на панель, чтобы своими глазами увидеть показания приборов. Это было неудобно, приходилось тянуться к рулю с пассажирского сиденья.

Пересечь на место Алинки он так и не решился. Может, это было глупо, но подспудно, в той далёкой глубине сознания, что скрывала все прежние перерождения, пряча их в тумане суеверий... Где-то там глубоко внутри Тёма испытывал самый что ни на есть искренний страх, что стоит только занять Алинкино место, как она и вовсе исчезнет, растворится в этом дожде, станет невидимкой, недоступной человеческому взгляду.

В этих глупых страхах Тёма никогда и никому бы не признался.

Но вот прямо сейчас, в пустой машине, отрезанной стеной ливня от всего остального мира, именно эти страхи и стали для него реальностью. Поэтому Артём предпочёл терпеть неудобства, но оставить Алине её место, чтобы сестре было куда вернуться, когда она наконец появится.

Она вернётся!

Тёма это точно знал. Потому что сомневаться сейчас ему было нельзя.

Он должен её найти. Артём открыл дверь и рванул под дождь.

– Алина! Алина! – кричал он, срывая голос. – Алина!!!

Ярко сверкнула молния, и оглушительный раскат грома поглотил его крик.

Нужно было что-то делать. Нужно было искать её. Сейчас. Немедленно. Прямо в эту секунду.

Пока ещё не стало слишком поздно...

– Алина! – голос охрип. По одежде стекала вода, холодя спину, заставляя сонмы мурашек бежать по коже, но Артём вряд ли это осознавал, продолжая звать.

Он нырнул в кустарник, отводя ветки от лица, но они всё равно вырывались, царапали, словно пытались не пустить его к Алинке, задержать, запутать, заставить потерять драгоценное время...

– Алина... – он уже не мог кричать, но всё равно звал, надеясь на что-то. И этой надеждой только и держась.

И наконец был вознаграждён, услышав приглушённое:

– Тёма...

Он бросился на голос. Острая ветка полоснула его наискось по щеке. Но Артём проигнорировал резкую боль, продвигаясь дальше и дальше.

– Алина... – прошептал он и увидел её перед собой.

Она бросилась ему на шею, такая же мокрая, грязная и испарапанная, как и он сам, выдохнула:

– Тёма...

Он обнял её. Сжал руками, с силой, возможно, причиняя боль, но не отдавая себе в том отчёта.

В голове билось единственное: «Нашёл, нашёл. Жива...».

А она вдруг отстранилась, вглядываясь в его лицо, в черты, размываемые водой и потому нечёткие, как будто чужие. И было непонятно, капли дождя ли текут по её лицу или то солёные слёзы.

Его губы необъяснимым образом оказались прижаты к её рту, который вдруг раскрылся со вздохом, впуская его внутрь.

И Артём потерял голову...

Глава 6

Мы целовались.

Мокрые, с прилипшей к телу одеждой, окружённые сверкавшими молниями, но счастливые благодаря этой встрече.

Его губы были невероятно нежными и при этом требовательными, жадными и одновременно осторожными. Я никогда не думала, что поцелуй может оказаться таким противоречивым, сладким и волнующим.

А потом поняла, с кем целуюсь...

Я резко отстранилась, даже отскочила, прижав запястье к губам, словно старясь скрыть, спрятать тот ужасный момент, когда позволила себе забыть...

– Извини... – выдохнул он, его глаза тоже наполнились ужасом понимания.

Я молчала. В горле застыл ком, царапающий ледяной крошкой сожаления.

Что теперь делать?

Что теперь будет?

– Идём, – Тёма махнул рукой, указывая направление, развернулся и начал продираться сквозь кустарник.

Я доверила ему выбор пути, сама сейчас неспособная думать ни о чём, всё ещё чувствуя его вкус на губах.

Как такое могло произойти?

Я сидела в машине и ждала Тёму. После его звонка почувствовала себя увереннее. Он всегда выручал меня в трудных ситуациях, значит, и сейчас мне не о чем волноваться.

Даже приближающаяся гроза, которой просто-таки дышала природа вокруг, меня не испугала.

Тёма успеет, он приедет и заберёт меня домой.

А потом мне захотелось в туалет.

Рядом с машиной никого не было. Но я всё равно не решилась. А вдруг вернётся этот охотник, а я тут сижу...

Ну уж нет. Лучше я быстренько сбегаю в кусты. Ветки оказались колючими, цеплялись за платье и волосы. И я уже понемногу начинала жалеть о своём решении, но продолжала продираться в поисках более-менее свободного пятка, чтобы присесть.

Дождь начался неожиданно.

Я взвизгнула, быстро натянула трусики и помчалась к машине. Но её не оказалось на месте, как и дорожки, и поля... Похоже, я пошла не в ту сторону. Поэтому развернулась на сто восемьдесят градусов и двинулась назад. И опять не угадала...

Я бродила уже среди деревьев, из-за ливня было невозможно определить направление. Небо раздирали яркие ветки молний, оглушительно грохотал гром, заставляя вздрагивать и пугая меня до чёртиков. Я прижалась к стволу дерева, надеясь, что хотя бы лить здесь будет меньше.

Тщетная надежда.

С листьев текло мне за пазуху настоящими водопадами. Я промокла насквозь и дрожала от холода. Теперь тепло салона вспоминалось уютным и безопасным местом.

И вдруг услышала голос...

Я не была уверена, что это не гром. Поэтому долго прислушивалась, пока наконец не поняла – мне не послышалось. Голос снова позвал. Он звал и звал почти без остановки.

Я пошла на него, медленно и осторожно. Но всё равно зацепилась ногой о корень и упала, больно ударившись локтем. В глазах засверкало... Или это была очередная молния?

Но хуже всего было то, что я опять потеряла направление. Из глаз текли слёзы бессилия.

Я уже была почти уверена, что умру здесь, среди дождя, молний и одиночества.
И тогда я закричала я в ответ.

– Тёма! – пусть мне всё это лишь послышалось, пусть это был очередной раскат грома или обман слуха. Но я дошла до последнего предела отчаяния. Уж лучше умереть, спеша навстречу самому близкому человеку, чем оставаясь на месте и дрожа от страха и холода.

Но это и вправду был он, Тёмка, мой самый дорогой, родной человек. В тот момент я даже забыла, что стала чужой им всем...

И вдруг он меня поцеловал. И что ещё хуже – я ответила и сама потянулась ему навстречу...

И теперь всё стало ещё хуже, чем после сообщения бабушки Тани о том, что я приблудыш.

И я не знала, не могла решить, что страшнее для меня, то, что Тёма не мой брат, или что мы с ним только что целовались...

Тёмка шёл впереди, не оборачиваясь.

Так было даже лучше. Я не знала, что сказать ему. Как сообщить о том, что я сожалею. Очень сильно сожалею. О том, что убежала. О том, что забралась в такую глушь. Что ему пришлось меня искать. Что началась гроза, и я испугалась. Что он меня поцеловал...

И вот об этом я жалела больше всего.

Потому что теперь знала, что мне понравился этот поцелуй. И теперь я не смогу смотреть на Тёму или думать о нём, не вспоминая его прикосновений, его аромата, размываемого запахом дождя и мокрых листьев, ощущения его тепла, казавшегося таким необходимым моей замёрзшей коже.

Раньше я думала, что уже пережила самые страшные дни в своей жизни, когда папа решил развестись с мамой, а потом она разбилась на машине.

Но сейчас у меня было чувство, что я оказалась в кошмарном сне и никак не могу проснуться.

Мы вышли к Жуку. Тёма прошёл мимо него по дорожке и двинулся дальше к трассе. Я удивлённо оглянулась на ярко-жёлтое размытое пятно, которым представлялась омываемая прозрачными струями машина.

Раньше я бы спросила Тёмку, куда мы идём, и как быть с моим Жуком. Если бы он не расслышал сразу, постучала бы ему по плечу, привлекая внимание. Да и вообще, взяла б за руку, чтобы ощущать его прикосновения и лишь от этого чувствовать себя увереннее.

А сейчас мне только и оставалось, что молча следовать за ним, съёжившись от холода и одиночества, втянув голову в плечи и позволяя дождевым струям выстукивать по мне траурный марш.

Мы поднялись на насыпь. Я увидела папину машину, стоявшую на обочине. Тёма открыл пассажирскую дверь и, дождавшись, когда сяду внутрь, с силой захлопнул её. Я вздрогнула от громкого звука и поёжилась от холода, который теперь проникал не только снаружи, но и захватывал меня изнутри.

Как такое могло произойти?

Вот только сегодня утром у меня была семья, любящий отец, замечательная мачеха и двое братьев. А теперь ничего не осталось. И никого. Я никогда ещё не была столь одинокой, как сейчас.

Дождь становился тише. Уже можно было различить сквозь стекло не только смутные очертания, но и сами предметы.

Мимо проехал эвакуатор, и я невольно проследила за ним взглядом. Машина спустилась по дорожке, на которой оборвалась моя последняя надежда на прежнюю жизнь.

Тёма спускался перед эвакуатором спиной вперёд и жестами указывал, куда ехать. Он выглядел сосредоточенным, а ещё отстранённым и очень далёким.

Теперь у меня не стало не только брата, но и лучшего друга, самого близкого человека...
Весь обратный путь мы оба молчали.

Словно в насмешку дождь прекратился, из-за туч выглянуло предзакатное солнце и засияло в каждой капле, наполняя всё вокруг алмазными переливами. Сумерки наступали медленно, но вместе с ними мрак наполнял и салон папиного внедорожника.

Когда окончательно стемнело, молчание стало и вовсе невыносимым. Никогда раньше я не чувствовала себя рядом с Тёмой столь неудобно. Разве что в самом начале знакомства. Но тогда он был для меня чужим, а теперь...

Впрочем, теперь тоже.

Уже на подъезде к дому я не выдержала. Понимая, что, возможно, мы больше не сумеем остаться наедине и объясниться, обсудить то, что произошло, потому я пробормотала:

– Тём, давай поговорим...

– Не о чем говорить, – перебил он меня. – Это была ошибка... Случайность... Эмоции... Я слишком перепугался. Больше подобного не повторится, можешь не переживать.

Он так сильно стиснул зубы, что я увидела, как под кожей двигаются челюсти.

Меня обуяла злость. Что он делает? Ведёт себя так, будто это я виновата в том поцелуе. Будто я всё испортила.

А может, так оно и было?

Может, действительно я во всём виновата?

Казалось бы, хуже быть не может, но когда мы вернулись домой, всё стало ещё невыносимее.

Тёмка остановил машину, вытащил ключ зажигания и выскочил наружу с такой скоростью, как будто в салоне прятался нильский крокодил, страшно клацая челюстями. Усмехнулась было, а потом поняла, что это я была таким крокодилом для брата... Нет, теперь уже не брата, надо перестать использовать это слово по отношению к Тёме.

Он мне – никто.

Когда я подошла к двери, она была распахнута настежь, а Тёмы уже не было видно. Он ушёл.

Зато навстречу мне спешили папа и Саша.

– Всё в порядке? – папа взял меня за плечи и быстро оглядел, отыскивая повреждения.

– Всё хорошо, – убедила я его и улыбнулась. Вышло жалко. И мы все понимали, что всё совсем не хорошо.

– Я набрала тебе ванну, – мягко произнесла Саша, переводя тему и давая нам всем отсрочку от тяжёлого разговора, который всё равно произойдёт. Но позже. И это уже хорошо. Потому что сейчас у меня нет сил разговаривать с родителями о том, что я им никто...

Как там выразилась бабушка Таня? Приблудыш? Очень точное слово...

Я пошла было к лестнице, но Саша меня остановила.

– Там Тёма, иди в нашу ванную.

И я послушно повернула направо. Сталкиваться с Тёмой в нашей общей ванной второго этажа мне совсем не хотелось. Вряд ли теперь можно будет посмеяться над этим, сгладив шуточной любую неловкость.

В родительской ванной тоже пахло Сашиним шампунем, а ещё очень сильно жасмином. Эту пену для ванны моя мачеха любила больше всего. Я сняла всё ещё мокрое и грязное платье, нижнее бельё и опустила в потрясающе горячую воду.

Меня окутало тепло. Снаружи. А внутри продолжал жить холод. Словно ледяной осколок больно уколол меня в сердце и остался там навсегда. Я не знала, как теперь с этим жить.

Глубоко вдохнула, зажала нос пальцами и полностью опустила в горячую воду. Спустя несколько секунд вынырнула на поверхность, не умея надолго задерживать дыхание.

В дверь постучали, и я вздрогнула, снова соскальзывая в воду. Затем села, захватив побольше пены и прижав её к груди.

А вдруг это Тёма? Пришёл мириться, сказать, что был неправ. В груди застучало, заколотилось заполошно сердце. Я чувствовала себя очень уязвимой, но при этом где-то глубоко внутри, хотела, чтобы он вошёл и увидел меня такой, обнажённой, с поблёскивающей влагой кожей, в облаке белоснежной пены, словно только что рождённая Афродита...

Я помотала головой, прогоняя наваждение.

– Алина, можно к тебе? – спросил из-за двери Сашин голос.

Разочарование было столь сильным, что мне пришлось больно ущипнуть себя за руку. Алина, очнись! Что за ерунда у тебя в голове?!

– Я в ванне! – крикнула в ответ, надеясь, что Саша уйдёт, не станет настаивать на разговоре, на который сейчас не было сил.

– Не вставай, я знаю, как открыть, – к сожалению, Саша по-своему истолковала мой ответ. Раздался щелчок поворачиваемого замка, и дверь открылась, впуская мою мачеху.

Я глубже ушла в воду. Так, чтобы на поверхности торчало только моё лицо.

Саша присела на краешек ванны. Выражение лица у неё было решительное, и я поняла, что разговора не избежать.

– Милая, мне очень жаль, что так случилось... – она сделала паузу, может, надеясь, что я что-то отвечу, а может, просто подбирая слова. Но я молчала, и Саша вновь продолжила: – Ярослав всё равно очень тебя любит и останется твоим папой, а Тёма и Гриша – твоими братьями.

На это я хмыкнула, и она, услышав, вскинула на меня взгляд. Пришлось снова погрузиться под воду, чтобы не встретиться с ней глазами. Воздуха надолго не хватило, а Саша оказалась терпеливой и всё-таки поймала мой взгляд.

– Я тоже очень люблю тебя, – произнесла она тихим тоном, который заставлял вслушиваться в каждое слово и верить тому, что она говорила. – Мы все любим тебя. И мы по-прежнему одна семья, кто бы ни был твоим биологическим отцом.

Глава 7

После ванны я поднялась в свою комнату и уснула, едва закрыв глаза. Мне снилась какая-то муть...

Флоранс, вытанцовывающая пируэты на сцене какого-то кабаре, Гришка, жонглирующий бутылками и бокалами, отец с Сашей, о чём-то шепчущиеся за столиком в углу и тут же отводящие взгляды, стоило мне посмотреть на них, и над всем этим – кривая ухмылка Тёмы...

Брр...

Сон оставил какое-то гнетущее ощущение. Я проснулась с головной болью и нежеланием вылезать из постели.

Но стоило мне решить, что имею полное право спрятаться от всего мира под махровой простынёй, как в дверь постучали.

– Алин, мама зовёт завтракать! – Гришка слегка толкнул створку и прокричал в образовавшуюся щель. – Сказала, что тебе надо вставать.

Дверь тут же захлопнулась, а я застонала, накрывая голову подушкой. Понимала, что Саша хочет вытащить меня на семейный завтрак, чтобы продемонстрировать, что ничего не изменилось. И разумом я осознавала, что так и есть. Вот только... внутри меня засел ледяной осколок. И с ним я ничего не могла поделать.

– Алина! Завтрак уже на столе! – позвала Саша снизу.

Я почти видела её, стоявшую у подножия лестницы, поставив ногу на первую ступеньку, в полной готовности подняться. Если через секунду не отзовусь, она пойдёт наверх, сначала постучит в мою дверь, затем осторожно присядет на край кровати, мягко погладит меня по волосам и снова будет говорить, как меня все любят...

– Иду! – отозвалась я и решительно откинула простыню.

Спрятаться в своей комнате мне не позволят. А значит, придётся взглянуть в лицо новой жизни. Почему новой? Потому что минувший вечер многое изменил.

Причём безвозвратно.

Натянула шорты и футболку. Заглянула в ванную. Умылась, почистила зубы. Всё делала нарочито медленно, стремясь оттянуть миг, когда придётся лицом к лицу встретиться с семьёй.

Уже больше не моей...

Сильно прижала к лицу полотенце, зажмурилась, словно в наступившей тьме всё могло исчезнуть, раствориться, развеяться как дурной сон. Но из зеркала на меня по-прежнему смотрело моё лицо с покрасневшими глазами, опухшими после слёз веками и искусанными губами...

При взгляде на них в голове яркими вспышками пронеслись воспоминания... Тёма и я. Его прикосновения. Его жадный ищущий рот...

Стоп!

Я задержала дыхание, оперлась руками о бортик раковины и посмотрела на своё отражение.

– Прекрати! – произнесла твёрдо, глядя себе в глаза. – Забудь. Это была ошибка. Случайность. Просто перестань об этом думать, как будто ничего не было.

Собрала волосы в хвост и вышла из ванной, надеясь, что Тёма уже позавтракал и ушёл. Ведь одно дело – велеть себе не думать о том, что произошло между нами, и совсем другое – смотреть в его глаза и знать, что он тоже помнит.

Но моим надеждам не суждено было сбыться.

Тёма сидел за столом и что-то увлечённо писал в телефоне. На его губах играла улыбка, и я невольно залюбовалась ею. Когда-то он и мне так улыбался, когда-то давно, пока ещё был моим братом...

Услышав мои шаги, он поднял голову. Мы встретились глазами. Только на мгновение. На одно короткое мгновение.

Но выражение Тёминого лица так быстро изменилось, будто он сдёрнул одну маску и тут же натянул другую. Никакой улыбки, губы сжаты в тонкую линию, брови хмуро сведены, в глазах – холод.

Я уже смирилась с тем, что у меня больше нет старшего брата. Но теперь я лишилась и лучшего друга, и от этого было особенно больно.

Тёма уже отвёл взгляд и снова погрузился в происходящее в его телефоне. Второй рукой он держал кружку с кофе, на которой было написано «Любимому братишке», а с другой стороны – наша с ним фотография в Париже у Эйфелевой башни. Эту кружку ему подарила я на какой-то праздник. И сейчас надпись царапала взгляд.

– Доброе утро, красавица, – Саша подошла ко мне, легко обняла и поцеловала в макушку. – Будешь завтракать или тоже только кофе?

– Кофе... и оладьи, спасибо, – я решила не отказываться, ведь Саша старалась. Хотя обычно, как и Тёма, предпочитала завтракать спустя пару часов после пробуждения, если получалось, конечно.

Гришка тоже с аппетитом уминал оладьи, обмакивая каждый сначала в черносмородиновый джем, а затем в сметану. Иногда он путал последовательность. И от этого содержимое обеих пиал перемешалось в нечто импрессионистское. Впрочем, Гришка этого не замечал, он был полностью погружён в содержимое «Большой книги фокусов и головоломок».

– О-о, все в сборе. Доброе утро, – папа вошёл в кухню, принес с собой запах моря, полевых цветов и сам букет.

Отец вставал рано и каждое утро плавал. Только серьёзная непогода могла изменить его привычку.

Он поцеловал Сашу в шею и протянул ей букетик. Она приняла цветы с короткой улыбкой, в которой было столько любви, что мне стало больно. От зависти. От осознания своего одиночества. От того, что у меня такого никогда не будет.

– Садись, – нежно проворковала она, – сейчас налью кофе.

Отец прижал её ладонь к своей щеке, а потом поцеловал. Я отвернулась. Мне было почти физически больно на них смотреть.

Наверное, не стоит больше называть его отцом. Но и произносить «Ярослав» даже про себя у меня не получалось.

Телефон в очередной раз пикинул, сообщая о новом мессендже. Тёма быстро глянул, хмыкнул и поднялся из-за стола.

– Ну я пошёл, спасибо, мам, – он поцеловал её в щёку, но уйти не успел.

– Погоди, – остановил его папин голос, – ты не забыл, что вас ждут бабушка с дедушкой?

– Что? – Тёма пару секунд непонимающе смотрел на отца, а потом до него дошло. Он застонал и закатил глаза, как делал всегда, когда родители требовали чего-то очень глупого по его мнению. – О нет, меня ждут в другом месте.

– Подождут, – отрезал папа, – бабушка и дедушка важнее. Тем более ты обещал им.

– Ладно, схожу, – сдался он, демонстрируя выражением лица, что идти ему совсем не хочется, но приходится подчиниться грубой силе.

Интересно, где его так сильно ждут, что он готов пропустить визит к ба и деду?

– Не один, – перебил папа мои мысли. – Вы пойдёте все вместе. С Гришей и Алиной.

Мы с Тёмой снова встретились глазами. И в его взгляде я прочитала всё, что он думал о совместной прогулке – отторжение, гнев и вдруг... внезапное согласие. К моему удивлению, Тёма не стал спорить, он кивнул и коротко бросил:

– Окей, жду на улице.

Идти вместе с Тёмкой совсем не хотелось. Я чувствовала себя неловко рядом с ним. А после брошенного взгляда предпочла бы вообще оказаться как можно дальше от бывшего брата.

Я попыталась потянуть время и помочь Саше с посудой, но она отказалась.

– Сейчас придёт Рената и всё уберёт, – с улыбкой сообщила мне Саша и добавила с улыбкой: – Ба и деда очень соскучились и ждут вас. Позови Гришу, что-то он застрял в своей комнате.

– Ладно, – я поставила посуду в раковину и отправилась наверх.

Гришка жил в своей Вселенной и запросто мог уже забыть, куда собирался пойти.

Я постучала в дверь и, отсчитав про себя до пяти, вошла.

Гришка, который в этот момент жонглировал тремя Сашиними стаканами из набора с голубыми дельфинами, вдруг замер, удивлённо глядя на меня. Стаканы упали на пол. Сначала один, секунду спустя и второй. К счастью, третий он успел поймать.

– Влетит тебе от Саши, – констатировала я, глядя на осколки на полу. Гришка пожал плечами. Ему частенько влетало, в смысле приходилось выслушивать нотации, и это его не особо пугало. Физические наказания у нас не приветствовались. Плакать из-за стаканов Саша не станет, а больше ничем Гришку было не пронять. Поэтому я сказал то, зачем пришла: – Мы идём к ба с дедой, ты с нами?

– Ага, – братец развязал шнуровку плаща, скинул его в кресло, бросил туда же цилиндр и, перешагнув через осколки стаканов, направился к двери.

– Гриша! – я возмутилась такой вопиющей наглости.

– Чего? – а вот братец смотрел на меня невинным взглядом, словно и не подозревал, чего я злюсь.

– Убери за собой! Иначе никуда не пойдёшь, – я остановилась и скрестила руки на груди.

– Вот зануда, совсем как мама стала, – буркнул про себя Гришка, но послушно поднял крупные осколки и заозирался вокруг.

– Неси на кухню, – посоветовала ему. Но Гришка помотал головой. И я его понимала. Там Саша, если увидит, братцу влетит, а так она может не заметить пропажи ещё несколько месяцев. Пока к нам не приедут гости.

– Тогда... – я тоже заозиралась и увидела торчавший из-за шкафа полиэтиленовый пакет. – Это тебе нужно?

Гришка помотал головой и бросил осколки в пакет. После сбегал в кладовку и принёс пылесос. Через пару минут ничто уже не напоминало о катастрофе.

Гришка театральным жестом фокусника указал на чистый пол. Я удовлетворённо кивнула, и мы вместе вышли из комнаты.

Сравнение с Сашей было приятным. Пусть оно и заключалось в нашем общем занудстве и помешанности на аккуратности.

Жаль, что она не моя мама...

Тёмка ждал за воротами, глядя через ограду соседского пса. Этот огромный немецкий дог своей внешностью производил ужасающее впечатление. А услышав его лай в ночи, можно было начать заикаться. Но при всём этом Фунт был милейшей и очень любвеобильной собакой с влажным розовым языком, которым он стремился облизать всё, до чего мог дотянуться. А, учитывая его рост, дотягивался он даже до поднятых вверх Тёмкиных рук.

– Привет, Фунтик, – думаю, пса называли в честь британской валюты, потому что у соседа ещё был кот Доллар. Он то взбирался по стволам деревьев, то прыгал вниз. И дядя Игорь с удовольствием комментировал взлёт или падение доллара.

Фунт лизнул мне руку, и я потрепала его за брыли по обе стороны пасти, в которой легко поместилась бы моя кисть до самого запястья.

Тёма при этом отошёл от меня на безопасное расстояние, как будто я была заразной. Захотелось стукнуть его, а потом высказать, что думаю о его поведении. Но я промолчала.

Нам, действительно, не стоит подходить слишком близко друг другу.

– Ты тоже идёшь? – Тёма повернулся к Гришке, сочтя беседу с ним более безопасной.

– Ага, – младший брат в любых ситуациях сохранял невозмутимость. А может, и правда не заметил возникшей неловкости. – Привет, Фунтик.

Он тоже сунул руку сквозь ограду и позволил догу её обслюнявить.

– Ладно, пошли, – Тёме, похоже, не терпелось поскорее разделаться с визитом и отправиться туда, где его так ждали. Раньше я бы спросила, с кем он переписывался за завтраком, но теперь оставалось только гадать.

Мы втроём двинулись в путь.

Причём, не сговариваясь, и я, и Тёма старались, чтобы младший брат всё время шёл в центре. Мне было проще находиться по другую сторону от Тёмки. Думаю, ему тоже.

Дом бабушки и дедушки, Сашиных родителей, находился на той же улице. Точнее это папа, когда мы вернулись из Парижа, купил дом рядом с ними.

Мария Григорьевна и Сергей Львович не были моими родными бабушкой и дедушкой. И это я знала сразу. Но они любили меня по-настоящему, как настоящую внучку. И я их тоже любила. И звала ба и дедой. Как и Тёма с Гришкой.

Ба и деда возились в огороде. Нам они очень обрадовались. Особенно ба, и это бросалось в глаза, потому что она сразу же поспешила в дом, чтобы приготовить нам свой фирменный домашний лимонад.

Деда любил розы. С тех пор как он вышел на пенсию, начал выращивать какие-то особые редкие сорта. Он переписывался с другими цветоводами, они обменивались саженцами, приезжали друг к другу в гости, чтобы похвастаться успехами.

И ба поначалу всецело разделила увлечение мужа. Первое пенсионное лето они оба провели среди розовых кустов. А осенью ба вернулась в больницу, сообщив мне по секрету, что моченьки её больше нет заниматься «этим нудным, грязным и тяжёлым делом».

Но деду розы радовали, и у ба не хватало смелости признаться. Поэтому по официальной версии главврач прямо-таки умолял её вернуться, даже плакал. И она не смогла ему отказать.

Мы полюбовались розами, послушали жалобы на паутиного клеща и очень обрадовались, когда ба наконец-то позвала нас попить лимонада.

В дверях даже образовался небольшой затор, когда Тёмка и Гришка попытались проскочить одновременно. Тёма был большим, а Гришка юрким, поэтому он сумел проскользнуть между рук старшего брата.

Мы с ба переглянулись и дружно закатили глаза – мальчишки. А вот деда ничего не заметил. Паутиный клещ – дело серьёзное. Он и пришёл минут двадцать спустя, когда мы уже вовсю лакомились бабушкиными пирожками. Она восхитительно умела их готовить. Из всех начинок моими самыми любимыми были пирожки со щавелем.

Ба так и говорила: «А это для нашей Алинки».

– Ну, что у вас нового? – спросил деда, откусывая большой кусок пирога.

Я даже не успела подумать над ответом, потому что в основном мои мысли крутились вокруг Тёмы. Того, что вот он сидит рядом, но усиленно не смотрит на меня. Как будто я и вовсе теперь для него не существую.

Пока я исподволь предавалась невесёлым мыслям, Гришка уже докладывал последние новости:

– Алина нам неродная. Бабушка Таня сказала, что она приبلудыш.

Я вздрогнула и поймала взгляд Тёмы. К моему удивлению, он был сочувствующим.

А ба с дедой посмотрели на меня одинаково ошалело. И я поняла, что они тоже не знали. Почему-то от этого стало легче.

* * *

Тёме хотелось дать Гришке подзатыльник за слишком длинный язык. А лучше два.

У Алины сделался такой жалкий вид, что стало мучительно стыдно. И в первую очередь за то, что натворил сам и потому теперь не мог быть ей братом, другом и всем тем, кем был до злополучного вчерашнего вечера.

И дело здесь вовсе не в признаниях старой дуры, оказавшейся по какому-то недоразумению его бабушкой, а в том, что почти всю ночь ему снилась Алина, растрёпанная, обнажённая и горячая в его постели... Артём хотел её, ту, кого много лет считал своей сестрой, и это было просто невыносимо.

Снова пиликнул телефон, и Тёма с каким-то неестественным облегчением переключился на него, благодарный, что хотя бы пару минут не нужно поддерживать неловкий общий разговор и постоянно ловить на себе растерянный и расстроенный взгляд Алины.

Артём понимал, что виноват. Он предал её. Он должен был подставить плечо, поддерживать, а сам повёл себя как скотина, глупый самец, думающий не головой, а тем местом, что находится в штанах...

Вряд ли Алина теперь сможет простить его. Впрочем, он и сам себя не простит.

Но хуже всего было это гнетущее чувство одиночества. Как будто из груди у него вынули сердце, а вернули обратно только его половину. И теперь Артём никогда не станет цельным...

Сообщение пришло от Флоранс. Ещё вчера вечером она нашла его в соцсети и написала. Артём ответил ей только утром, когда проснулся, так остро ощущая вкус Алининых губ, что был рад любой возможности отвлечься.

Переписка несла в себе явственный эротический подтекст. Флоранс начала с осторожных вопросов о поисках Алины, её самочувствии и сожалении, что казавшаяся такой приятной на первый взгляд мадам Татьяна оказалась совершенно лишена деликатности. Постепенно переписка переросла во флирт. Причём Флоранс была так очаровательно непосредственна, что Тёма даже не сомневался. Он попробует этот цветочек и тем самым убьёт сразу двух зайцев: узнает, так ли хороши французки в постели, как он слышал, и избавится от мыслей об Алине. Переключится на другую девушку, из-за влечения к которой не будет чувствовать себя грязным извращенцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.